

Только здесь

Автор:

Рейчел Коттон

Только здесь

Рейчел Коттон

Жить проще, когда держишься подальше от других людей. Роуз Валентайн это знает. Но некоторых людей просто невозможно игнорировать. Взять хотя бы Тео Локхарта. Безрассудный. Свободный. Он – загадка, которую так и хочется разгадать.

И однажды ночью такой шанс представляется. Тео появляется на пороге дома Роуз, ему отчаянно нужна помощь. Страшные тайны как тени ползут за ним. Дотронься – пропадешь. Если девушка впустит его, то пойдет против правил и, возможно, навсегда изменит свою жизнь. Открыть дверь и всем рискнуть или навсегда потерять шанс сблизиться с самым классным парнем на планете?

Рейчел Коттон

Только здесь

© Гуляева М., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Маме. Ты самый главный человек в моей жизни. Я бесконечно сильно тебя люблю.

Глава 1

Это было жаркое и знойное лето, но хотя я с нетерпением ждала вечера, солнце подсказывало: мы успеваем доделать нашу работу.

Когда наступит ночь, нам придется остановиться. Нам придется бросить поиски до наступления следующего дня.

Я опустила флаер в прорезь для писем и услышала, как он падает на коврик. Я изо всех сил старалась не смотреть на мрачное лицо с бумаги, находящееся под крупной надписью «ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ».

Сейчас эти действия казались чем-то обыденным.

Когда с одной улицей было покончено, мы переходили на другую. И каждый раз делали одно и то же. Мне стало интересно, сколько людей прочтает то, что я дала себе труд напечатать, сколько потратят минуту своей жизни на то, чтобы подумать о написанном на наших тоненьких флаерах, и сколько сразу же, не переживая, выбросят их в мусорное ведро, потому что это их не касается.

А затем я поймала его взгляд. Взгляд человека с флаера. Взгляд, которого я пыталась избегать. Его зеленые глаза блестели от вспышки фотоаппарата. Лицо исказила сердитая гримаса, ясно дающая понять: в тот момент он не хотел фотографироваться. Темно-каштановые волосы, короткие и непричесанные, падали ему на глаза.

Тео Локхарт. Мальчик, которого никто в нашей школе толком не знал, мальчик, с которым случилось что-то ужасное.

В начале десятой пройденной мною улицы меня ждали другие помощники, они отдыхали, валяясь на траве и греясь в лучах вечернего солнца. Отдыхали с закрытыми глазами, ожидая, что усталость уйдет, прежде чем они вернутся к поискам. Я присоединилась к ним, плюхнувшись на небольшой, покрытый травой клочок земли.

Ступням стало намного легче, когда они освободились от веса моего тела. Я закрыла глаза и насладилась легким, ласкающим кожу ветерком, сдувающим волосы с липкого от пота лица. Но вскоре мгновение покоя закончилось, к нам быстро подбежала Грейс, она хмурилась – верный признак плохих новостей. Вы уж поверьте.

– Вот, – твердо сказала она, бросая на землю рядом со мной пачку бумаги. – Джони Уэсту пришлось пойти домой, поэтому нам отдали оставшиеся у него флаеры.

Она сняла пиджак, под которым оказался черный топ-жилетка, заправленный в джинсовые шорты.

Я поднялась с земли и оглядела оставшуюся у меня пачку бумаги.

– Но мы не успели обработать даже половины наших флаеров.

Грейс пожала плечами, обмахиваясь от жары ладонью, как веером.

– Я думаю, в конце дня нам просто придется вернуть то, что мы не успеем рассовать по почтовым ящикам.

– Думаю, да, – пробормотала я, ощущая, как последние солнечные лучи осветили мое лицо, а затем солнце скрылось на ночь.

– Найя не против того, что вы отменили сегодняшнее свидание?

Грейс тепло улыбнулась при мысли о своей девушке. Они встречались уже два года, с тех самых пор, как Грейс призналась во всем родителям и мне.

– Она понимает, как это важно. На самом деле, может статься, она тоже захочет помочь.

– Тогда в следующий раз, как ее увидишь, передай, что она задолжала мне шоколадный маффин, который стянула вчера за обедом.

Грейс мелодично рассмеялась, и я присоединилась к ней. Было тихо, подходящий момент, чтобы насладиться последним летним теплом до наступления холодов. Я слушала болтовню других добровольцев и мелодию, которую выводили сидящие на деревьях рядом птицы. На какой-то миг вечер показался просто идеальным, а потом я вспомнила, зачем мы все здесь.

– Я думаю, Тристан хочет к нам подойти, – мгновением позже голос Грейс привлек мое внимание. – Он все время на тебя смотрит.

А затем, как будто услышав ее слова, Тристан Майерс позвал:

– Эй, Роуз! – он отделился от группы своих друзей и подбежал к нам. Его лицо слегка покраснело.

Грейс улыбнулась мне со знанием дела, но я предпочла проигнорировать эту улыбку.

– Привет, Тристан. Все в порядке? – улыбнулась ему я, когда он приблизился к нам. Грейс откашлялась и встала.

– Думаю, мой перерыв закончен, – сказала она, забирая половину бумаг из нашей пачки.

– Я догоню, – откликнулась я. Она кивнула и, пока Тристан не видел, подмигнула мне, к моему ужасу. Я еще не успела сделать ей замечание, а она уже сорвалась с места и побежала по другой улице.

Тристан тихо кашлянул, заставив меня снова перевести на него взгляд.

– Я просто подошел поблагодарить за помощь. Немногие захотели пожертвовать ради этого своим свободным временем, поэтому то, что ты вызвалась, очень

ценно, – сказал он, проводя рукой по волосам. Тристан был старостой. Оно и понятно: он участвовал в каждом кружке, организованном нашей школой, и умудрялся во всем достигать превосходных результатов. Грейс всегда шутила – однажды он станет премьер-министром. Неудивительно, что он считал себя начальником поисковых работ.

Я встала, мы оказались на одном уровне, его ярко-голубые глаза внимательно смотрели на меня.

– Честно, тут нет ничего особенного, Тристан, – я растянула губы в едва заметной вымученной улыбке. – Есть что-нибудь новое?

– На данный момент мы обыскали большую часть местности, – ответил Тристан. – Мы пытались найти какие-нибудь зацепки, чтобы понять, куда он мог пойти, но пока ничего не обнаружили.

Последовала пауза, я обдумывала его слова. Отсутствие зацепок оказалось плохим сигналом. Для меня это было знаком, что кто-то не хочет, чтобы его нашли, знаком, что кто-то не хочет возвращаться.

– Думаешь, с ним что-то случилось? – брякнула я секундой позже, мой голос был чуть громче шепота.

Взгляд Тристана встретился с моим, полным беспокойства.

– Тео пропал всего лишь два дня назад, Роуз. Давай мы сейчас будем думать только о том, как его отыскать.

И он был прав. Тео Локхарт, мой одноклассник и сосед по занятиям химией, с которым я сидела два года, отсутствовал только сорок восемь часов. Никто его не видел и с ним не разговаривал. Никто не знал, почему он исчез и куда мог пойти. В школе попросили всех, кому что-либо известно, рассказать об этом, высказать любые догадки, где он может находиться. Этого никто не сделал. Как только он исчез, стало ясно, что о нем совершенно ничего не известно.

Если бы кого-то попросили описать Тео, о нем было бы практически нечего сказать. Он редко появлялся в школе. На уроках опускал голову. Я никогда бы не

заклеймила его как искателя неприятностей, но слышала о нескольких неприглядных историях, произошедших в прошлом году, когда его вызывали в кабинет директора. Глупые драки, дерзкие ответы учителям – ничего из ряда вон выходящего. А иногда он отлынивал – спал на уроках или опаздывал.

Казалось, ему нравится химия. Конечно, он мне этого не говорил. Сказать по правде, Тео вообще мало что говорил, но, кажется, он всегда сдавал работы вовремя и помогал во время экспериментов, даже несмотря на то, что ему нравилось, чтобы я ими руководила. Хотя мне бы и в голову не пришло, будто наше взаимопонимание на химии можно рассматривать как «полезную информацию», поэтому, когда Тео исчез, я осознала, что вообще ничего о нем не знаю.

Для всех нас он был загадкой, и казалось, что именно этого он и добивался. Кем бы вы ни являлись, вам бы не удалось вытянуть из него и нескольких слов, и вы не смогли бы убедить его сесть с вами вместе за обедом. Я разговаривала с ним только на уроках химии.

И даже несмотря на все это, его исчезновение вызвало в школе совершенно разные реакции. Кто-то постил на Фейсбуке и в Твиттере отчаянные мольбы, чтобы он вернулся, но это были девушки, которым он нравился, любительницы мелодрамы. Другие полагали, что это часть какой-то придуманной им игры и что в любой момент он может шагнуть в класс, у нас всех отвиснут челюсти, а он будет наслаждаться этим зрелищем. А еще были люди, похожие на меня, которые не знали, что и думать, и предложили организовать настоящие поисковые отряды, ведь это лучшее, что мы можем сделать, чтобы найти этого таинственного мальчика.

Но правда была в том, что никто не имел ни малейшего представления, куда он исчез. Тео не из тех, кто заводит друзей, поэтому у него их и не было. Но даже несмотря на это, он мог бы получить все, что пожелает. Черт возьми, если он хотел популярности, то для этого хватило бы одной его привлекательной внешности. Но ему это было не нужно. Он никогда не хотел внимания.

Вот почему большинство людей начало говорить, что с ним случилось что-то ужасное.

Наш городок не очень большой. Мы находимся всего лишь в часе езды от Лондона, но у нас тихо, спокойно, и люди знают друг друга. Что, в свою очередь, означает – сплетни повсюду. До Тео никто никогда не пропадал. Это была самая важная новость нашего городка за последние годы, поэтому она быстро распространилась.

– Что ж, здорово, мы можем попробовать что-то изменить. Я уверена, родители Тео благодарны за помощь, – сказала я Тристану. Тот только пожал плечами.

– На самом деле нам показалось, им вообще мало дела до поисковых отрядов, – ответил он.

– Что? – я открыла рот от изумления и в замешательстве покачала головой. – Почему им не интересны поисковые отряды?

Было очевидно, Тристан знает больше, чем говорит. Я видела, он не хочет, чтобы другие услышали то, что он собирается сказать: он всё время вертел головой в разные стороны, проверяя, чтобы никто не подслушивал.

– Пару часов назад мы компанией ходили к ним домой, и они вовсе не казались обеспокоенными. Затем, когда приехала полиция, они все время говорили приглушенно, чтобы мы не могли подслушать, – Тристан стал произносить слова чуть тише. – Я думаю, они знают что-то, чего не знаем мы. Как будто они ожидали, что Тео сбежит, еще до того, как он исчез... А может быть, они в шоке.

Мне пришла на ум тысяча возможных объяснений, многие из них вселяли надежду, а другие заставляли отчаиваться. Я никогда не встречала родителей Тео. Возможно, они во многом напоминали его самого, в том смысле, что держались сами по себе, но разве исчезновение сына не должно было взволновать их куда больше?

– Возможно, они знают, что он вернется, – я решила озвучить одну из самых радужных моих мыслей. – И поэтому не хотят, чтобы мы тратили время на поиски.

– Да, но тогда почему они не сказали, из-за чего он исчез?

Как будто моя надежда была свечой, а Тристан только что опрокинул на нее целое ведро воды. Должно быть, он заметил, каким безнадежным стал мой взгляд, поэтому сочувственно мне улыбнулся и нежно сжал мое плечо.

– Все будет хорошо, – пробормотал он. – Мы найдем его.

– Да, – ответила я бесцветным голосом. Мой взгляд снова переместился на лицо Тео на флаере. Оно идеально отражало всю его сущность – задумчивость и отчужденность, но еще у него проявлялись какие-то нечитабельные эмоции, которые я не могла распознать, как ни старалась. Что-то похожее на печаль. – Я уверена, найдем.

К тому времени как я пришла домой, тьма накрыла город как одеялом. Я сбросила пиджак и повесила его на вешалку, включила везде свет.

Конечно, дом был пуст, наш дом практически всегда пуст. У моих родителей невероятно ответственная, отнимающая много времени работа. Они работают в одной и той же юридической фирме. На самом деле это невероятно милая история, именно там они и познакомились, и влюбились друг в друга. А несколько лет назад их сделали партнерами, что, в свою очередь, означало: их рабочий день начинался рано утром и заканчивался поздно вечером. И даже находясь вне работы, они постоянно проверяли свою электронную почту и звонили клиентам или закрывались у себя в кабинете, поэтому я практически их не видела. Они все время заняты, от этого одиноко, и это выматывает; я не могу припомнить ни одного случая с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать, чтобы они пришли с работы и мы бы поужинали вместе, как нормальная семья. Я привыкла большую часть вечеров проводить одна.

Но меня это больше не тревожило. Я прекрасно справлялась и одна и привыкла к тому, что всегда и во всем мне помогал брат, а не родители. Я знаю, если бы он мог, то проводил бы все время дома, чтобы побыть со мной, но так как он учился в университете, это едва ли было возможно.

На письменном столе меня ожидала гора домашних заданий, которые надо сделать к следующему дню, но я предпочла ее проигнорировать и направилась прямиком в душ, чтобы смыть с себя этот день. Там я провела много времени, наслаждаясь прохладной водой, тонизирующей, бьющей мне в лицо и сбегавшей

по коже. Я могла бы провести так несколько часов, потеряв счет времени и ни о чем не беспокоясь.

Но мне не удалось полностью от всего отключиться. Я знала, ситуация все еще оставалась мрачной – у нас не было вообще никаких зацепок, где мог находиться Тео, порой приходило в голову, что он может так никогда и не вернуться. Меня беспокоило, что с ним могло случиться что-то плохое. Вылезая из душа, я заметила в зеркале собственное отражение, на меня уставились карие глаза, во взгляде грусть. За лето веснушки стали еще более заметными, а мои от природы прямые волосы отрасли ниже подбородка, почти до плеч. На первый взгляд я казалась обласканной солнцем и здоровой. Но когда я снова посмотрела на свое отражение, под глазами у меня были мешки, и я сгорбилась от усталости, вызванной поисками.

Но сейчас мне надо было выкинуть все это из головы и позабыть свои тревоги, чтобы завтра начать поиски заново.

В холодильнике меня ждала оставшаяся со вчера миска со спагетти «Болоньезе». Я быстро их разогрела, пока помешивала на плите содержимое кастрюльки, у меня урчало в животе. Как только с этим было покончено, я с жадностью их умяла, обжигая язык. Я все еще чувствовала себя опустошенной. Почему последние несколько дней так меня обескровили?

Взгляда на часы хватило, чтобы понять – я не смогу сделать домашнюю работу на завтра, не засиживаясь всю ночь. Я громко выругалась и решила махнуть на нее рукой, подумав, что учителя могут проявить немного снисходительности, когда услышат – я весь вечер искала Тео. Вместо того чтобы делать домашнюю работу, я поднялась обратно на второй этаж, чтобы надеть пижаму и хорошенько выспаться.

Но я так и не получила, что хотела, потому что как только улеглась в постель, раздался дверной звонок. Я бросила взгляд на настенные часы и когда поняла, как сейчас поздно, во мне закипело негодование. К нам часто заходили без приглашения соседи, чтобы перекинуться парой слов, но никто никогда не приходил в такой поздний час.

– Иду! – прокричала я, быстро надевая футболку и шорты, в которых ходила до этого.

В дверь позвонили еще раз. И еще раз. И еще раз. Кто бы ни ждал на пороге, он определенно был нетерпелив.

– Я сказала, иду! – сердито заорала я и сбегала вниз по лестнице, завязывая волосы в конский хвостик и направляясь напрямик к двери.

Я взялась за ручку, рывком открывая дверь прежде, чем успела собраться с мыслями. На краткий миг, когда меня обдало порывом холодного ветра и я невольно задрожала от холода, я пожалела о том, что не прихватила джемпер. Но затем я посмотрела на гостя, и эта мысль улетучилась. На самом деле, все мысли улетучились, пока я стояла на пороге в полном изумлении.

– Роуз Валентайн, – шепотом сказал Тео Локхарт, в глазах у него застыла самая настоящая, отчаянная паника. – Мне нужна твоя помощь.

Глава 2

Затем Тео вошел ко мне в дом, будто был здесь хозяином. Он подвинул меня и перешагнул через порог, на секунду его рука коснулась моей, и у меня по спине побежали мурашки. Он даже не оглянулся, а тут же отправился в другую комнату, исчезнув из моего поля зрения.

Ноги сами понесли меня за ним. Осознав, что так и не успела закрыть рот, я быстро его захлопнула и покачала головой, стараясь привести мысли в порядок.

Тео ждал меня в гостиной, в грязной одежде, с растрепанными волосами, и я еще никогда не видела, чтобы он выглядел так плохо. Гигантский спортивный рюкзак, казавшийся практически пустым, перекинут через плечо, и он так сильно сжимал его в руках, будто это было последнее, что у него осталось, и он им очень сильно дорожил.

Тео услышал звук моих шагов и склонил голову набок, наблюдая за тем, как я вхожу в комнату. Когда я посмотрела в те же самые глаза, которые глядели на меня с флаера весь день, в животе все сжалось. Только теперь они были не на бумаге, а принадлежали живому человеку. Я потеряла дар речи и была в

смятении. Тео засмутился, открыв рот, чтобы что-то сказать, а затем быстро закрыл его обратно. Казалось, он так же отчаянно, как и я, пытается подобрать нужные слова.

А затем все вокруг начало вращаться. Мне стало трудно дышать, я пыталась не выпасть из реальности. Пока я отчаянно стремилась сохранить равновесие, моя рука схватилась за первый попавшийся предмет.

– Дыши, Роуз, – прошептал мне на ухо Тео, и я осознала, что это за него я схватилась. Я цеплялась за парня, как утопающий за соломинку. – Просто дыши.

Я закрыла глаза, чтобы мир прекратил вращаться, а он тем временем продолжал говорить мне на ухо что-то успокаивающее, его голос был мягким, как мед.

– Все в порядке. Это просто паническая атака, Роуз. Сконцентрируйся на своем дыхании.

Стараясь вздохнуть, я поймала себя на том, что прислушиваюсь к нему. Даже когда комната вернулась в прежнее состояние, а моя грудь перестала быстро вздыматься, он не давал мне упасть. И только когда я открыла глаза и встретилась с его обеспокоенным взглядом, он тихо и с облегчением вздохнул и высвободил меня из своих объятий.

Наконец, переступая с ноги на ногу, Тео прервал установившееся в комнате молчание.

– Привет, Роуз.

– Привет, Тео, – в глубине души я была шокирована и говорила так же удивленно.

Сейчас, когда я снова владела ситуацией, мне стало понятно: он ждет, когда я заброшу его вопросами, ждет, что я нападу на него как из засады и не успокоюсь до тех пор, пока он не ответит на мои вопросы. А у меня было много вопросов. У меня столько всего вертелось на языке... Но затем я заметила, как ужасно он выглядит.

За сорок восемь часов многое может измениться, и когда я посмотрела на Тео, это стало очевидно. С его лица сошел характерный для него загар, сейчас оно выглядело бледным и болезненным. У него были мешки под глазами, гораздо хуже моих, а глаза в любой момент угрожали закрыться от усталости, он дрожал всем телом, а голые руки пошли гусиной кожей. Тео оказался выше меня, но только на несколько дюймов: я могла разглядеть каждую деталь его лица, каждую появившуюся от волнения складочку, а золотые крапинки в его зеленых глазах, обычно такие очаровательные, сейчас были тусклыми и безжизненными.

Я знала, что не могу этого сделать, я не могу устроить ему настоящий ад. Мои иррациональные эмоции взяли верх, и я почувствовала, как забываю все свои вопросы, и вместо того чтобы его расспрашивать, хочу помочь. Как он только что помог мне. С вопросами можно подождать.

– Ты выглядишь продрогшим, – мягко сказала я.

Я перевела дыхание, и мой голос стал не таким напряженным. Его глаза блеснули от удивления, но я не дала ему и слова выдать, тут же добавив:

– Хочешь чаю? Я как раз собиралась заварить.

Он внимательно меня оглядел, пытаюсь понять, шучу я или нет.

– Ты серьезно? – спросил он, будто я сказала глупость не подумав.

– Будем считать, что это «да», – твердо произнесла я и, не оглядываясь, направилась на кухню. Неожиданно Тео последовал за мной, взглядом прожигая дыру у меня в затылке.

Пока я доставала из буфета две чашки, мои руки дрожали. После секундного колебания Тео поставил чайник. Он занял место за барной стойкой, а я тем временем накрывала на стол, замечая, что он смотрит на меня вопросительно.

Возможно, он подумал, я попытаюсь позвонить в полицию, или тяну время, пока родители не придут с работы, чтобы им его выдать. Или, может быть, он решил, что, предлагая ему чашечку чаю, я пытаюсь его умяснить, чтобы развязать язык, а потом разражусь неизбежной тирадой и заброшу вопросами. Видимо, ему не

пришло в голову, что меня все это не интересует. Что я, Роуз, девушка, никогда не переходящая границы дозволенного, совершенно позабыла о том, как надо себя вести, и все, что меня интересовало в данный момент, так это, чтобы с Тео все было в порядке.

Я поймала себя на подглядывании за ним, будто мне нужно постоянное подтверждение: он здесь. И каждый раз, как я на него смотрела и наши взгляды встречались, я первая отводила глаза.

– Вот, – я осторожно, чтобы не пролить, поставила перед ним чашку. У меня все еще дрожали руки, и я быстро спрятала их за спиной, чтобы он не заметил. – Я сейчас вернусь.

Я не стала дожидаться его ответа, а сразу помчалась вверх по лестнице. Я бросилась к себе в спальню и привалилась к двери, когда она со щелчком закрылась у меня за спиной. Я опустила глаза и стала ждать, когда мир прекратит вращаться. «Что ты делаешь, Роуз?» — спросила я себя. Но ответ оставался прежним: «Я не знаю».

Я схватила со стоящего рядом с моим письменным столом стула толстовку и накинула ее, затем подошла к шкафу и перерыла остальные свои свитера. А затем вцепилась в тот, что был мне на несколько размеров велик.

Когда я вернулась на кухню, Тео все еще сидел там, спокойно попивал горячий чай с едва заметной улыбкой на лице. Заметив меня, он торопливо поставил чашку на стол.

– Вот, – я бросила ему свитер, который был мне велик. – Надень это.

Он без труда его поймал и стал рассматривать с добродушной улыбкой.

– Обычно это парни одалживают свои свитера девушкам, а не наоборот, – заметил он.

– Ну, я вижу, там у тебя свитера нет, – я жестом указала на его рюкзак. – Поэтому пока надень мой.

Выражение его лица быстро изменилось, стало робким, ситуация больше не забавляла.

– Единственный свитер, который был у меня с собой, насквозь промок. На самом деле все мои вещи промокли. Пока ты сидела в школе, шел дождь.

– Тогда давай его сюда. Я высушу.

Я сгребла свитер и бросила в сушильный барабан, небрежно отмахнувшись от благодарностей. Тео надел мою толстовку, и она подошла ему удивительно хорошо, разве что немного свободнее, чем надо. В его внешности что-то изменилось, и у меня появилось странное чувство, будто я никогда раньше не замечала его как следует. Он был на несколько дюймов выше меня, и волосы падали ему на глаза, прямо как на той фотографии с постера. Каштановые волосы, как всегда, выглядели всклокоченными, будто он только что встал с постели, и это ужасно ему шло.

– Ой, а мы оделись похоже, – тихо пробормотал он.

Я поглядела вниз и, конечно же, обнаружила, что выбрала практически такую же толстовку, как и у него, только размером поменьше.

– Ой... Да, когда мой брат уехал учиться в университет, то отдал ее мне, – объяснила я, сбита с толку его шутливым замечанием. Осторожная улыбка исчезла с лица Тео, и он кивнул мне, неловко кашлянув. Я уселась напротив него за обеденным столом и отпила чаю, теплая жидкость успокаивала. Не сводя с меня глаз, Тео тоже сделал глоток.

Наконец, он глубоко вздохнул и наклонился вперед, так и не отводя взгляд.

– У тебя, наверное, много вопросов.

– Да, – кивнула я и поставила чашку на стол. – Но я до сих пор не могу оправиться от изумления, что ты пришел сюда.

– Я знаю, – согласился Тео, перебирая шнурки толстовки. – Я вижу, тебя это совершенно сбilo с толку. Но прежде чем ты начнешь задавать мне вопросы и

прежде чем я на них отвечу, мне нужно, чтобы ты мне кое-что пообещала.

Я выпрямилась со все возрастающим любопытством.

– Что же?

– Мне нужно, чтобы ты пообещала, что не будешь звонить в полицию. Независимо от того, останусь я здесь или нет.

Я сделала глубокий вдох, мой ум лихорадочно заработал, я пыталась переварить его слова. Я посмотрела ему в глаза и увидела за внешним спокойствием страх быть пойманным. И хотя в тот момент я поняла, что не стану звонить в полицию, я все же наклонилась вперед и встретила с ним лицом к лицу.

– Я думаю, до тебя пока не дошло, – медленно сказала я, проводя кончиком пальца по краю пустой кружки. – Но придя сюда, ты вверил свою судьбу в мои руки. Придя ко мне домой, ты во что-то меня впутал, а я даже ничего об этом не знаю. Твоя судьба в моих руках. И если я захочу позвонить в полицию, то это сделаю, и ты это знаешь.

Я увидела, как на его лице промелькнула паника.

– Я знал, во что ввязываюсь, – заявил он. – И поверь мне, Роуз, я не хотел тебя во все это впутывать. И до сих пор не хочу. Поэтому, если ты хочешь позвонить в полицию... Если ты захочешь кому-нибудь рассказать о том, что я здесь, тогда я не буду оставаться и подвергать тебя опасности. Я уйду еще до того, как твое имя втопчут в грязь.

– Но почему ты здесь?

– Потому что ты нужна мне, Роуз, – Тео протянул руку, чтобы коснуться моей ладони, лежащей на кружке. – Мне нужна твоя помощь.

– С чем именно? – прошептала я в ответ, практически бесшумно. Но Тео меня услышал. В комнате было так тихо, как будто мы снова оказались на уроке химии и молча проводили эксперимент.

– Мне нужно спрятаться где-нибудь на несколько дней, – он внимательно на меня посмотрел, дожидаясь, пока я переварю его слова. – И мне нужно, чтобы ты никому об этом не говорила.

Я вырвала руку и выпрямилась, пребывая в совершеннейшем ужасе.

– Ты не всерьез. Это безумие, – пробормотала я, отворачиваясь от него. – Это самое настоящее безумие.

Но я поймала себя на том, что мои действия были еще более безумными, чем просьба Тео. Я не знала о ситуации ничего – ни где прятался Тео, ни что он сделал, ни даже почему именно сюда пришел. Мне всем своим существом хотелось его выдать, поступить разумно и отправить обратно домой. И все же, вот она я – проигнорировала все эти импульсы и стала его слушать.

– Я знаю, – пробормотал Тео. – Но я бы не стал просить, если бы не находился в отчаянном положении.

Мне снова стало трудно дышать, и я взяла минутный тайм-аут, чтобы прийти в себя, а затем вопросительно на него посмотрела.

– В таком случае, где ты был последние сорок восемь часов?

– В нескольких милях отсюда есть земельные участки внаем, а там – множество заброшенных сараев, в них можно спать.

– Ты спал в заплесневелом сарае?

Я представила себе, как он лежит в углу темной сырой хижины в одном свитере и джинсах, и задрожала, мне стало холодно от одной этой мысли.

– А днем я вернулся в город. – Тео на мгновение остановился, а затем добавил: – Ты знаешь, я видел, как вы все помогаете. Вы раздавали флаеры.

– Потому что мы о тебе волновались, – ответила я. – Оказывается, это была пустая трата времени.

Тео весь сжался. Сказав это, я тут же пожалела: он не предполагал, что его внезапное исчезновение как-то повлияет на жизни других людей. Тем не менее секундой позже он сел прямо, и в его глазах засияла упрямая решительность.

– Наверное, я должен извиниться... Но домой я не вернусь, Роуз, – сказал он, вперяясь в меня взглядом, так что я увидела, какими честными были его глаза.

– Почему ты не можешь вернуться? – спросила я. – Что случилось?

И вот так я увидела, как Тео замкнулся в себе. Все открытые мною границы тут же оказались наглухо закрыты, а он выпустил мою руку и откинулся назад, закрыв эту тему прежде, чем мы начали разговор.

– Я не могу тебе этого сказать.

– Почему?

– Потому что ты не хочешь, чтобы я тебя в это впутывал, так ведь? Теперь это неважно, мне просто надо понять, что делать дальше.

Я затихла. В голове у меня прокручивалась тысяча разных мыслей.

– Тогда почему я? – я ощутила, как краснею, и тут же заметила: он опускает глаза.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду... – Я попыталась внятно сформулировать свою мысль. Я хотела знать, почему он пришел ко мне, почему просил помощи у меня, но я не спешила спрашивать, не будучи уверена, хочу ли знать. – Почему ты выбрал меня, хотя даже не хочешь сказать, из-за чего убежал? Почему ты думаешь, что я тебе помогу?

Тео печально и горько улыбнулся.

– Подумай, Роуз. Не так уж и много людей, к которым я могу обратиться, – прежде чем я успела ответить, он добавил: – Кроме того, если бы даже и был

кто-то еще, я бы все равно в первую очередь подумал о тебе.

– Но почему? – мне стало неудобно под его пронизывающим насквозь взглядом. – Мы практически не общались в школе. Я даже и не думала, что тебе нравлюсь...

Я вспомнила обо всех тех эпизодах, когда Тео игнорировал меня и остальных. Я всегда испытывала к нему что-то похожее на жалость, но, возможно, это чувство произрастало из моей потребности нравиться. За несколько первых проведенных с ним уроков химии я поняла, что мне никогда не удастся выудить из него больше, чем несколько слов кряду. Когда я спросила, не хочет ли Тео сесть за обедом вместе со мной и моими друзьями, и когда он вежливо отказался – только для того, чтобы и дальше сидеть в одиночку в углу столовой, я поняла, такой порядок вещей его устраивает. Тео нравилось быть одиночкой, ему так было комфортно, и он отвергал мои дружелюбные поползновения, потому что хотел оставаться один.

Но я не чувствовала себя неловко в его обществе. Во время экспериментов по химии он проявлял ко мне интерес, следил за мной взглядом, и внимание его никогда не ослабевало. Было очевидно, он понял: я люблю все контролировать. Поэтому он всегда доставал требующееся нам для каждого опыта оборудование и дожидался, пока я не объясню ему, чем он может помочь. Он часто списывал у меня домашнюю работу – когда думал, что я не вижу, но я всегда считала это очень милым. Я вспомнила, что иногда, только иногда, мне и в самом деле казалось, будто Тео хочет узнать меня поближе, и даже несмотря на то, что наши диалоги всегда были короткими и отрывистыми, я чувствовала – мы понимаем друг друга.

– Я не знаю. Я думаю, ты... другая, – Тео пожал плечами. – Просто мне всегда казалось, что ты хороший человек. Я подумал, если и найдется кто-то, готовый не отправлять меня с ходу домой, а выслушать, то это будешь ты. Ты всегда была со мной мила, а я знаю, со мной не очень-то легко.

– Ну, я думаю, надо давать людям возможность объясниться, – пробормотала я, смущенно.

В этот момент я приготовилась сказать «нет». Сказать, что не могу ему помочь, что даже не знаю, с чего начать, и это не моя проблема. И что мне не нравится нарушать правила, особенно сейчас, в неведении. Мне было ясно: возможно, я

укрываю преступника!

Но когда я открыла рот, чтобы сказать, что я просто не подхожу на эту роль, то пролепетала:

– И что же... И что же мы тогда будем делать? Мне прятать тебя в своей комнате от родителей, до тех пор, пока ты не сможешь вернуться домой?

Последовало долгое молчание. Я наблюдала за сидящим в кресле Тео. Черты его лица исказились от шока и недоверия. Он выглядел таким пораженным, и я подумала, ему понадобится какое-то время, прежде чем он заговорит снова, но его слова прозвучали секундой позже.

– Ты собираешься мне помочь?

Я безоружно пожала плечами, сама себе поражаясь.

– Я просто не могу выставить тебя на улицу в холод, разве нет? А в полицию ты позвонить не позволяешь.

– Если ты это сделаешь, я отсюда сматываюсь, – сорвался Тео. – Seriously, Роуз, если ты хочешь это сделать...

– Не хочу. Разве я не сказала? – резко перебила его я.

И я действительно хотела помочь. Я знала, что это просто смешно; я знала, какие у моих действий будут последствия, каких усилий это потребует и как трудно будет держать это в секрете. Впервые в жизни я не знала только, что получится в итоге. На самом деле я ничего не знала – как долго это продлится и почему это все случилось. И все же я на это согласилась. Во взгляде Тео было что-то такое – то же самое, что зачаровало меня сегодня днем, только раньше. Я должна помочь, если я ему откажу, это будет неверное решение.

Возможно, я плохо все обдумала, возможно, позже об этом пожалею. Но я никогда раньше не делала ничего рискованного, и, возможно, сейчас было самое время поддаться моменту. Возможно, пришло время сказать «да».

– Это только на пару дней? – уточнила я. – Я не хочу, чтобы в итоге ты остался тут на несколько недель, мои родители буквально в любую секунду могут тебя поймать.

Тео уверенно покачал головой.

– Я клянусь, это только на несколько дней. Мне просто нужно некоторое время, чтобы привести мысли в порядок. И кроме того, Роуз, я пообещал тебе, что ты не будешь в этом замешана, и я собираюсь сдержать свое слово.

Я снова кивнула, цокнув языком. Он, как и прежде, наблюдал за мной. Но на этот раз в его взгляде было что-то еще. Надежда. Надежда, что я окажусь другой, надежда, что, может быть, – только на этот раз – я нарушу правила, и все это ради него.

– Ты уверен, что я никак не смогу убедить тебя поговорить с родителями? Если бы ты просто отправился домой и постарался уладить...

Мой голос стих.

– Я не могу этого сделать, Роуз. Я просто не могу, – его голос звучал так напряженно, что я взяла парня за руку.

Как только мы соприкоснулись, Тео снова одеревенел, и мне стало любопытно, отдернет ли он руку. Но вместо этого он только схватился за меня сильнее, расправляя плечи.

– Все в порядке, – мягко сказала я, сжав его ладонь. – Мы можем поговорить об этом позже.

– Спасибо, – ответил Тео. Когда наши взгляды встретились, в его глазах читались облегчение и благодарность.

И в тот момент казалось, что все хорошо. Я нашла потерявшегося мальчика и на самом-то деле была рада, что он со мной. В тот момент я гордилась собой, потому что решила рискнуть, потому что вышла из своей зоны комфорта.

Мне следовало бы знать, что это чувство долго не продлится.

Глава 3

И только после того, как мы обо всем договорились и Тео сказал, что он устал, я осознала, в какой неловкой ситуации мы очутились.

Он последовал за мной вверх по лестнице, и мы зашли в мою спальню. Я тут же подошла к шторам и задернула их, скрыв подмигивающие в ночном небе звезды, а затем развернулась к висящим по комнате цветным фонарикам. Я зажгла их все, так что они осветили пространство приятным мерцанием.

– Я могу спать на полу, – сказал Тео. Его голос был мягким, но я все равно подпрыгнула от неожиданности.

Внезапно я заметила, как мала моя комната. Двухспальная кровать занимала большую часть пространства, а платяной шкаф и письменный стол – оставшееся место, поэтому единственная территория, на которую Тео мог бы втиснуться, находилась прямо рядом с моей кроватью.

В доме не было других комнат, где он смог бы переночевать. Когда Брент уехал, родители превратили его спальню в офис, а гостевых комнат у нас не имелось.

Когда родители стали зарабатывать больше, они подумывали перебраться в дом попросторнее. Но на тот момент я отвергла их предложение, потому что мне нравился уют нашего маленького домика, и тот комфорт, который он мне обеспечивал, когда я была одна. В данный момент я пожалела об этом решении.

– Хорошо, – я обернулась, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. Он медлил на пороге, казалось, парень не хочет входить без моего разрешения. – Ты можешь устраиваться. Я только схожу в старую спальню Брента и посмотрю, удастся ли мне раздобыть для тебя спальный мешок и пижаму.

Теперь Тео вошел в комнату и с любопытством рассматривал мою доверху набитую книгами полку. Пока я говорила, он развернулся ко мне и сказал:

– Пожалуйста, только пижаму. Я сохранил спальный мешок из сарая, – как будто чтобы доказать свою правоту, он с гордостью вытянул его из рюкзака.

– Ну да, – я вымученно ему улыбнулась и направилась к двери. – Я сейчас вернусь.

Уезжая в университет, брат забрал с собой большую часть одежды, поэтому, когда я быстро просматривала единственный оставшийся в комнате платяной ящик, выбирать особо было не из чего, тем не менее я смогла отыскать рубашку и пару спортивных штанов, которые были бы Тео впору. Я схватила еще одну рубашку для себя (я решила, что не хочу, чтобы Тео видел меня в моей обычной пижаме, которая открывала больше, чем надо) и затем направилась прямиком к себе в комнату.

Когда я вернулась, Тео устраивался поудобнее, он уже вытащил и развернул спальный мешок и готовился в него забраться. Когда я вошла, он поднял на меня глаза, и на его лице появилась улыбка.

Я бросила ему одежду, он сказал спасибо и стал, нахмурившись, ее изучать.

– Мне это не нужно, – заявил он мне, возвращая спортивные штаны. – Я сплю в одних только боксерах.

Я покачала головой и швырнула спортивные штаны обратно.

– Только не в моем доме, здесь ты этого делать не будешь.

С минуту он просто смотрел на меня, как будто пытался понять, шучу я или нет. Но затем он просто пожал плечами, раздевшись до трусов, сменил рубашку, а секунду спустя надел треники. Я слишком поздно отвела взгляд от его обнаженной груди, наблюдая за тем, как упругие мышцы перекачиваются, пока он через голову надевал рубашку. Он так быстро переоделся, что я даже не успела покраснеть: парень только в буквальном смысле передо мной разделся.

Я удивленно моргнула.

– Ладно. Теперь я пойду и переоденусь сама, – я махнула рукой в сторону ванной комнаты. – Я сейчас вернусь. Ничего не трогай, пока меня не будет.

Он усмехнулся и что-то пробормотал, но я не стала слушать, а побрела в ванную, закрыла за собой дверь и на всякий случай ее заперла. Я еще никогда так быстро не переодевалась, а когда случайно увидела свое отражение в зеркале, то вся сжалась при виде растрепавшихся в разные стороны волос и покрасневшего лица. Я постаралась вычесать колтуны, пожалев, что, когда сушила волосы, не выпрямила их, как я всегда обычно делаю, а затем завязала их в свободный узел. Пока я смотрела на себя в зеркало, почувствовала странный всплеск адреналина. Что я делаю?

Когда я вернулась в комнату, стало ясно, что Тео повеселел. Он взглянул на меня, на его губах появилась едва заметная улыбка.

– Ты всегда носишь одежду, которая тебе велика?

Я посмотрела на гигантскую футболку, которую взяла еще до этого.

– Так удобнее, – я пожала плечами. – И вещи не мои. Большая часть того, что я ношу дома, принадлежала моему брату.

– Ты по нему скучаешь? – спросил Тео.

Я поймала себя на том, что перевожу взгляд на доску из пробкового дерева, висящую у меня на стене. Фотография, на которой были мы с Брентом, снятая в прошлом году, висела посередине. На ней мы оба смеялись. Он обнимал меня, и у нас были беззаботные и счастливые лица.

– Дом опустел, – признала я, но тут же добавила: – Но теперь я к этому привыкла. Все равно он приезжает домой так часто, как только может.

Тео понимающе кивнул, хотя я уверена, будучи единственным ребенком, он не знал, что это такое.

Я должна признать, когда год назад мой брат уехал в Даремский университет, мне стало одиноко. С тех пор как родителей сделали партнерами в фирме, их

работа стала чрезвычайно ответственной и отнимала очень много времени, поэтому мы с Брентом научились заботиться о себе сами. С тех самых пор, как я себя помню, мы всегда были вдвоем, и он всегда заботился обо мне, неважно, насколько со мной бывало трудно. Поэтому, когда он уехал, я провела несколько месяцев одна дома, мечтая, чтобы он вернулся; мне стало одиноко. Но это было естественной частью взросления, и мы оба знали, что когда-то мне придется заботиться о себе самой. И я действительно сама о себе заботилась.

Но сейчас, когда в моем доме появился Тео, я буду заботиться уже не только о себе одной, я буду заботиться и о нем тоже. Может, мы и были ровесниками, но он не сможет ничего делать сам; в течение нескольких следующих дней парень будет привязан к моей комнате.

– Ладно, – я откашлялась, направившись к его рюкзаку, который он швырнул мне на кровать, и сбросила его на пол.

– Я думаю, нам надо установить несколько основных правил. Номер один, – я жестом указала на кровать. – Тебе нельзя находиться на моей кровати, совсем.

Тео еле слышно что-то пробормотал, но я решила его проигнорировать и продолжила:

– Номер два, – я приподняла с уголка постели простыню, чтобы показать ему пространство под кроватью, где сейчас лежал его рюкзак. – Если сюда кто-то попытается войти, ты немедленно должен спрятаться туда.

– И номер три, – я приберегла самое важное напоследок, и надеялась, что Тео тоже осознает, как это важно. – Пока ты находишься здесь, ты ни в коем случае не должен выходить из моей спальни. Слишком велик риск, что тебя поймут.

– Хорошо, – Тео пожал плечами, как будто это все была ерунда. – Но что будет, если я нарушу одно из этих правил?

Я поняла, что он надо мной насмехается, очевидно, я его совсем не напугала. Но я поймала себя на том, что подыгрываю ему. Я подошла к Тео поближе, надеясь, что выражение моего лица окажется достаточно мрачным.

– Лучше тебе не знать ответа на этот вопрос, Теодор.

По его лицу стала расплываться улыбка, но так как он привык скрывать свои чувства, он быстро ее спрятал. Я увидела, что у Тео в глазах пляшут задорные огоньки, и задалась вопросом, не происходило ли того же и со мной?

А затем, на какую-то долю секунды его взгляд опустился ниже и остановился на моих губах, я могла бы в этом поклясться. Но в следующее мгновение он снова смотрел мне в глаза, и мне ничего не оставалось сделать, как предположить, что просто показалось. Должно быть, я все напридумывала.

Тео открыл было рот, чтобы заговорить, но звук открывающейся парадной двери заставил его замолчать. Или, если быть более точной, это в моем доме открылась парадная дверь.

Потому что родители наконец-то пришли домой.

Когда я уставилась на Тео, то увидела, что он ошеломлен точно так же, как и я, вся сдерживаемая мною паника неожиданно вышла из-под контроля. Мы оба замерли, напряженно прислушиваясь к шуму внизу. Я слышала, как мои родители тихо переговариваются, и звуки шагов.

Неожиданно Тео схватил меня за руку. Я подпрыгнула на месте и склонилась к нему.

– Твоя комната запирается на ключ? – тихо спросил он.

Я кивнула, не в силах произнести ни звука, а он тихонько подошел к двери и повернул ключ в замке, постаравшись сделать это максимально тихо.

– Ну вот, – мягко сказал он. – Если мы не пустим их сюда, они никогда и не узнают, что я здесь.

Я автоматически кивнула, но так и не сдвинулась с места. Я неподвижно застыла. На меня неожиданно обрушилось осознание того, что я делала – что мы делали – и я засомневалась, что смогу сохранить такой большой секрет.

Тео сразу же сообразил, в чем дело, и подошел ко мне поближе, но потом передумал и шаркая отошел назад.

– Эй, все в порядке, – сказал он. Его голос был приглушенным, он говорил успокаивающе. – Все будет хорошо, Роуз. Они не узнают, что я здесь. Ты будешь ни при чем.

– Но я не умею врать, Тео. Я не сумела бы соврать даже ради спасения собственной жизни, – призналась я, наконец-то обретя голос. – Что же мне делать?

По природе своей я всегда и все старалась контролировать. Правила всегда служили мне якорем, помогали почувствовать, что я как-то контролирую свою жизнь, в то время как все вокруг казалось нестабильным. А еще я чересчур много анализировала, на страницах каждой прочитанной книги оставляла самоклеящиеся бумажки, на которых делала беглые записи о характере действующих лиц, пытаюсь понять, какие они. И вот чем я попыталась заняться в ту первую ночь: я попыталась во всех мельчайших подробностях проанализировать характер Тео, потому что мне надо было его понять. Мне требовалось больше информации, чтобы почувствовать наконец, что я владею ситуацией.

Но на самом деле, скорее всего, это происходило, потому что я никак не могла разгадать загадку Тео Локхарта, и меня это огорчало. Он походил на замысловатый пазл, головоломку с сотнями тысяч фрагментов, от которых голова шла кругом, если попытаться сложить их вместе.

Позже, тем же вечером, я перевернулась в постели и украдкой бросила на него взгляд. Его каштановые волосы разметались по подушке, глаза были закрыты, и он легонько похрапывал. Завернувшись в спальный мешок на полу моей спальни, он выглядел так, будто ему уютно, и у него ушло совсем немного времени на то, чтобы крепко заснуть.

Я, к сожалению, не смогла этого сделать с такой же легкостью. Это было для меня привычным делом – мы со сном не в лучших отношениях. Каждую ночь, прежде чем наконец-то впасть в забытие, я часами ворочалась в постели из стороны в сторону, и часто на следующее утро я просыпалась из-за этого

уставшей.

Но эта ночь превратилась в совершенно иной опыт, совершенно новую главу в книге бессонницы. И пока я наблюдала за тем, как на моем будильнике мерцает, каждую минуту меняясь, время, я не могла не поглядывать на спящего Тео.

Возможно, поэтому – из-за того, что я глазами прожигала в нем дыру, он неожиданно повернулся, оторвал голову от подушки – при этом его зеленые глаза блеснули, и тихо прошептал:

– Прекрати об этом думать, Роуз.

Я вся обмерла и, не приподнимая голову с подушки, посмотрела на него.

– Откуда ты знаешь, что я все еще не сплю?

– Потому что я в буквальном смысле слышу, как у тебя в голове вертятся мысли, – последовала пауза, и я подумала, что он, должно быть, снова заснул. Но затем я услышала громкий вздох и, взглянув на него, увидела, как он снова откинулся на подушку.

– Прямо сейчас тебе вовсе не обязательно об этом волноваться. Все будет хорошо.

Он будто прочел мои мысли. На мгновение я растерялась, не будучи уверена, что сказать, но затем выпалила:

– Ты что, не понимаешь, все может пойти наперекосяк! Во-первых, ты, похоже, забыл о том, что я живу в этом доме не одна, и остальные не знают, что ты здесь.

– Я тебе уже говорил, не волнуйся, ты не будешь в это замешана, – прошептал в ответ Тео сонным, но твердым голосом. – Я уже говорил, что ты будешь ни при чем. Я не позволю тебя в это втянуть.

Я перекатилась на спину и уставилась в пустой потолок. В соседней комнате кто-то заворочался и зашаркал ногами, и я затаила дыхание, волнуясь, что мы

наделали слишком много шума. Но за этим ничего не последовало, и я почувствовала, как снова расслабляюсь.

– Но почему ты так уверен, что я не буду замешана? – спросила я Тео.

– Спи, Роуз.

И я подумала, что разговор закончен. Но затем Тео поднял голову и посмотрел на меня еще раз, на его лице играла озорная улыбка.

– Или ты хочешь, чтобы я присоединился к тебе на кровати?

Я была рада, что в комнате темно и Тео не видит, каким ярким румянцем залились мои щеки.

– Конечно, не хочу! – огрызнулась я, но почувствовала, как у меня в животе все затрепетало.

– Ты уверена? – он улыбнулся еще шире и сел. – Просто я слышал, это помогает от бессонницы – спать с кем-то в обнимку.

– Спать в обнимку? – я рассмеялась. – Нам что, по пять лет?

Тео усмехнулся. Пока он ворочался в спальном мешке, чтобы устроиться поудобнее, спутавшиеся во сне кудри упали ему на лицо, но мне все еще были видны его глаза, как и их озорной блеск.

– Ну, я просто предложил. На самом деле, на полу не очень удобно.

– Мне кажется, у тебя нет особого выбора, – спокойно отрезала я. – Спокойной ночи, Тео.

Когда Тео откинул голову на подушку и автоматически закрыл глаза, он все еще ухмылялся.

– Спокойной ночи, Роуз, – пробормотал он в ответ, а затем я увидела, как он заснул, оставив меня одну – таращиться в темноту, и сна у меня не было ни в одном глазу.

Следующий день – сплошная ложь.

Первый раз мне пришлось соврать в буквальном смысле сразу по пробуждении. Когда я встала, мои родители все еще были дома, они оба уже оделись на работу и пытались приготовить на всех нас завтрак. Мне пришлось соврать, что я умираю от голода, тогда как на самом деле я слишком сильно нервничала, чтобы проглотить хоть кусочек; и все это ради того, чтобы положить еду в салфетку, которую я сжимала в руках, и потом отнести ее Тео.

А дальше было все больше и больше лжи, так много, что у меня голова пошла кругом от того, как легко можно все испортить. И делала я все это не ради себя.

Это было ради Тео.

– Если ты хочешь прекратить, Роуз... – мягко произнес он тем утром. – Если это уж слишком, просто скажи, и я через пять минут уйду.

Но я знала, что просто не могу этого сделать. Я знала, что чем бы оно ни было, то, что заставило меня открыть Тео дверь и позволить ему остаться, не испарилось за одну ночь. Он был в отчаянии, и я это видела. Но мне хотелось, чтобы он остался, чтобы я смогла ему помочь и выяснить, что же он сделал. Я хотела его понять. Поэтому весь день продолжала врать.

Я уверена, что, когда пришла домой – после долгого учебного дня и поисков пропавшего мальчика, который в данный момент сидел у меня в спальне, – у меня был изможденный вид. Я плохо себя чувствовала и выглядела не лучше, но когда вошла в комнату, Тео не стал этого комментировать.

– Ты в порядке? – спросил он, на его лице читалась озабоченность.

Он сидел на своем спальном мешке и определенно только что вышел из душа, потому что с его мокрых волос стекала вода. Висящий на стене телевизор был

включен, а Тео держал в руках книгу, которую, должно быть, взял с книжной полки.

– Отлично, – отрывисто ответила я и, даже не взглянув на него, направилась к шкафу, чтобы вытащить полотенце.

Тео положил книгу на прикроватный столик и встал, несколько секунд он оставался на месте и выглядел при этом робко.

– Знаешь, тебе вовсе не обязательно меня искать...

– Обязательно, – отрезала я. – Если я перестану помогать с твоими поисками, все остальные поймут: что-то тут не так.

– Я знаю, – тихо ответил Тео. – Я просто... Проехали.

Я не стала заморачиваться и докапываться до того, что он так и не договорил, а вместо этого подошла к комоду и выудила новую бутылку шампуня. Я перекинула полотенце через плечо и, наконец, развернулась, чтобы как следует взглянуть на парня.

– Я собираюсь принять душ. Тебе что-нибудь нужно? А то я уйду.

Он покачал головой, и я поспешно вышла из комнаты и направилась в ванную. Я захлопнула дверь и на секунду привалилась к ней, закрыв глаза и переводя дыхание. На меня медленно напозала усталость, один день, прожитый с этим секретом, уже успел испортить мне настроение.

В душе я едва смогла устоять, все время поскользываясь на влажном кафеле. Я завернулась в полотенце и поплелась назад, к Тео, вслепую нащупывая путь.

Когда он заметил, что я еще не переоделась, он удивленно раскрыл глаза и неловко откашлялся.

– Я выйду, чтобы ты смогла переодеться, – едва сказав это, он унесся в ванную.

Придя в чувства, я покраснела и быстро выудила из шкафа приличную одежду, а затем, одевшись, позвала Тео. Он проскользнул обратно в комнату, его щеки приятно порозовели.

– Что ты хочешь на ужин? Я могу приготовить нам на двоих, – сказала я, подавляя зевок и направляясь к двери, чтобы спуститься вниз.

Тео остановился передо мной, положил мне руки на плечи и повел обратно к кровати.

– Тебе надо поспать, Роуз, – прошептал он.

Я постаралась высвободиться, но он вцепился в меня еще сильнее.

– Я в порядке, Тео, серьезно.

– Нет, ты не в порядке, – пробормотал он, не сводя с меня взгляд.

Я горячо и тихо запротестовала, когда он повел меня к кровати и усадил на нее.

Он спокойно и уверенно поднял мои ноги с пола и уложил меня на матрас.

Я едва знала Тео, и все же вот он – ласково подкладывает мне под голову подушку и укрывает одеялом.

– Что ты делаешь? – сонно спросила я, уже чувствуя, что засыпаю.

– Помогаю тебе, – угрюмо сказал Тео, прикрывая мои плечи одеялом. – Это меньшее, что я могу сделать, учитывая все, что ты для меня сделала и делаешь до сих пор.

Мои веки слипались. Я из последних сил боролась со сном, но все же смогла на него посмотреть и сонно ему улыбнуться.

– Спасибо.

И засыпая, я все еще чувствовала: Тео не сдвинулся с места. Он был рядом, и я сонно гадала, наблюдает ли он за мной, чтобы убедиться, действительно ли я заснула. Я улыбнулась: даже несмотря на то, что тут не было ничего особенного, мне стало ясно, что Тео есть до меня дело, и это значило куда больше, чем можно было подумать.

Глава 4

В итоге я проспала большую часть ночи, и это меня освежило и дало возможность отдохнуть, впервые за несколько дней мне удалось выспаться. Я проснулась рано и, после того как проворочалась час, снова пытаюсь заснуть, решила, что эти попытки бесплодны. Поэтому вместо этого я спустила ноги на мягкий коврик, встала и направилась к окну, чтобы раздернуть шторы.

Я открыла окно и заслушалась птичьим пением. Я улыбнулась и прислушалась, звуки чириканья меня успокаивали.

– Роуз, – голос Тео вывел меня из размышлений, и я подпрыгнула, а затем обернулась, чтобы взглянуть на него. Он растянулся в своем спальном мешке, волосы были спутаны, а во взгляде полужакрытых глаз читалось раздражение.

– Доброе утро, Тео, – весело сказала я и улыбнулась.

Он заворчал и сел, будучи все еще завернутым в спальный мешок, а затем развернулся ко мне.

– Какого черта, который час?

Я бросила взгляд на прикроватный столик.

– Шесть тридцать.

Он моргнул.

– Тогда какого черта мы встали?

Я не смогла сдержать ухмылку. Пропустив его грубость мимо ушей, я отошла от окна к шкафу, чтобы достать трикотажную рубашку: мне хотелось прикрыть свои голые руки.

– Я собираюсь пойти вниз и взять что-нибудь на завтрак, потому что не могу больше спать, и я уже... – я помедлила, чтобы подсчитать в уме, – двенадцать часов как не ела.

– Ты что, не боишься разбудить родителей? – спросил Тео, потирая глаза и делая неуклюжую попытку проснуться.

– А они уехали, – я жестом махнула в сторону окна. Я уже успела заметить, что их машин нет на месте. – Иначе я не пошла бы вниз, они ужасно злятся, когда я мешаю им спать.

– Как мило с твоей стороны считаться с тем, что кто-то может спать, и не шуметь, чтобы никого не разбудить, – сухо пробормотал он.

Я пожала плечами и вышла из комнаты прежде, чем он успел отпустить еще какой-нибудь сердитый комментарий.

Я ожидала, что, когда выйду из комнаты, Тео снова заснет, но когда я направилась на кухню с тем, чтобы сделать себе пару тостов, его голос раздался со второго этажа.

– Эй, – позвал он. Приятный голос эхом разнесся по дому. – По случаю того, что твоих родителей нет дома, можно я нарушу это правило никогда не покидать твою комнату и спущусь на кухню, чтобы самому взять завтрак?

Я пожала плечами, не увидев в этом никакого вреда, а затем поняла: он меня не видит.

– Думаю, да! – прокричала я в ответ. – Но это особый случай. Не становись очень уж дерзким, не надо все время сюда спускаться только потому, что моих родителей нет дома. Они могут в любую минуту вернуться.

Тео практически в прямом смысле пронесся на кухню, обрадованный тем, что может побыть в другом помещении, отличном от того, где был вынужден провести последние два дня. Он направился напрямик ко мне и забрал у меня из рук хлеб, а затем закинул два ломтика в тостер.

– Я сама хотела сделать, – начала было протестовать я, но он меня оборвал.

– Сегодня еду готовлю я. Без обид, но я не вижу тебя в роли повара.

Вообще-то я довольно хорошо готовлю, но пропустила его комментарий мимо ушей и поймала себя на том, что улыбаюсь, уже во второй раз за утро. В кои-то веки я просто уселась и позволила готовить еду кому-то другому. И было так здорово отдохнуть, по крайней мере пока Тео не сжег мой тост.

Бывают в жизни моменты, которые никак нельзя предсказать.

Жизнь – такая хрупкая штука. Некоторые повороты судьбы делают тебя беспомощным, выбивают из колеи, и вот ты уже не чувствуешь, что управляешь своей жизнью. Иногда наша жизнь кажется слишком запутанной, чтобы все это было просто совпадением и чередой случайных ситуаций, и все же, кажется, что мы совсем не контролируем все эти события.

И думаю, именно с этим я больше всего и воевала: я ненавижу чувствовать себя бессильной. Я ненавижу, когда не владею ситуацией.

Как я и сказала, мне нравилось планировать – я любила строить детальные планы. Мне нравились рутинные дела, я придерживалась правил, и у меня были распланированы следующие пять лет жизни. Я всегда знала, чего хочу. Другие еще и подумать не успеют, а я уже все спланировала.

Когда учителя сказали нам выбрать университеты, я уже изучила этот вопрос, посмотрела колледжи и составила список из трех заведений, которые понравились мне больше всего. Я всегда первой вручала свою домашнюю работу, я не пропускала ни дня занятий, чтобы не отстать, и мне было всего лишь семь, когда я решила, что стану учителем. У меня все было распланировано, надо только придерживаться этого плана. Думаю, вы могли бы

решить, что я скучная, но мне не нравились поиски неизвестного, и я чувствовала, что слишком привязана к своему плану, чтобы что-то могло сбить меня с толку.

Но после того как появился Тео, что-то изменилось. Что-то в Тео заставило меня захотеть окунуться в неизвестное. Я перестала размышлять о своем пятилетнем плане, единственное, о чем я думала, так это о том, как бы прожить следующие несколько дней и сделать так, чтобы совершенно странная ситуация, в которой мы очутились, не открылась. Мы с Тео были как два корабля, которые всегда проходили друг мимо друга, никак не соприкасаясь, но теперь мы друг в друга врезались и отчаянно пытались не утонуть.

– Вот, – Грейс и Найя ухмыльнулись, наблюдая за тем, как меняется выражение моего лица, когда я заметила двойной шоколадный маффин, который они положили передо мной на обеденный стол. Все еще крепко держась за руки, они плюхнулись напротив меня, но я едва ли обратила внимание – я была слишком занята маффином.

– Знаешь, – с набитым ртом сказала я Найе. – Мне кажется, это первый раз, когда ты что-то мне возвращаешь.

Найя пожала плечами, отбрасывая с лица длинные пряди прямых черных волос.

– Ты всю неделю была не в настроении, поэтому я решила тебя подбодрить.

Я смахнула со стола крошки, громко сглотнула и ответила:

– Я была не в настроении, потому что мне его портило ваше постоянное проявление чувств на публике.

Но мы все знали, что за этим стоит нечто большее. Удовольствие, которое я испытала сегодня утром, поедая подгоревший тост Тео, давно испарилось, исчезнув в хаосе школы, и чем больше я врала, тем меньше вспоминала события утра.

Двум лучшим подругам тоже приходилось лгать. Было слишком рискованно говорить им о том, что Тео прячется в моей спальне. Но на данный момент он уже провел там две ночи, и по мере того как проходили дни, мне становилось все труднее объяснить свои странные перемены настроения.

– Ты знаешь, что публичное проявление чувств в школе запрещено, – напомнила мне Грейс, выгнув бровь идеальной формы. – Так что дело не в этом.

Я пожала плечами и отвела от них взгляд, переведя его на стол, где лежал мой полусъеденный маффин. Мне вовсе не обязательно было поднимать голову, чтобы почувствовать, как Грейс с Найей переглянулись: я так хорошо их знала, и они были до такой степени на одной волне, что я могла предсказать их реакцию на любую ситуацию.

– Мы что, чем-то тебя расстроили? – мягко спросила Грейс, ее тон заставил меня резко вскинуть голову и встретиться с озабоченным взглядом.

Грейс отняла у Найи руку и протянула ее, чтобы дотронуться до моей.

– Если ты чувствуешь себя третьей лишней, все, что тебе надо сделать, так это просто нам сказать. Мы не обидимся. Если хочешь, можешь даже приходить на наши вечерние свидания, в этом не будет ничего странного...

– Грейс, дело не в этом. Правда. То, что вы с Найей встречаетесь без меня – вообще не проблема и никогда не будет проблемой, – вставила я.

Грейс вздохнула с облегчением, но на лице Найи все еще читалась озабоченность.

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем, – когда они обе кисло на меня посмотрели, мне пришлось отвести от них взгляд.

– В самом деле, ни в чем, – продолжала я. – Я в порядке. Вам не надо за меня волноваться.

Было ясно, что ни одна из них мне не поверила, они откинулись на свои стулья и стали критически меня разглядывать. Они были полными внешними противоположностями. Грейс – блондинка с голубыми глазами и светлой кожей, усыпанной родинками и веснушками, в то время как Найя обладала черными волосами, карими глазами и более смуглой кожей, сказывались индийские корни. Но по характеру они оказались невероятно похожи: обе умны и практичны, и в то время как Грейс имела склонность драматизировать и проявлять защитные реакции, спокойная натура Найи ее уравнивала. Я завидовала их паре и мечтала, что когда-то и у меня будут с кем-то похожие отношения. Я много лет дружила с обеими – Грейс и Найей, даже еще до того, как они стали встречаться, и они всегда видели, когда со мной что-то не так.

И когда я отводила от них взгляд, меня волновало только то, что со временем они догадятся, в чем дело, и я знала: если они хоть близко подойдут к истине, я уже никак не смогу им соврать. Я успокаивала себя тем, что правда настолько абсурдна, что им такое даже в голову не придет, но меня это мало чем утешало.

Поэтому вместо того чтобы паниковать, я вымученно улыбнулась и снова взяла свой маффин, откусила большой кусок и закрыла глаза, изображая удовольствие. Но шоколадное тесто походило на клей у меня во рту, и я с трудом его проглотила, съедаясь чувством вины.

– Ладно, – Грейс наконец сдалась и покачала головой, как она всегда делала, когда что-то было уж слишком. – Проехали.

Она наклонилась вперед, чтобы еще раз встретиться со мной взглядом, и я ясно увидела, каким искренним был ее взгляд. А затем она добавила:

– Но мы всегда с тобой, Роуз. Поэтому, когда будешь готова об этом поговорить, ты знаешь, к кому тебе идти.

И вот так меня захлестнуло чувство вины. Меня тронуло, насколько сильно две мои подруги обо мне заботятся, но я так плохо себя чувствовала из-за того, что не могу им рассказать правду.

Я знала, что не могу этого сделать. Не сейчас. Не тогда, когда так много поставлено на карту. Я не знала, что я выиграю, если сдержу секрет Тео, просто в глубине души чувствовала, что слишком много потеряю, если проболтаюсь.

По правде говоря, придя домой и обнаружив, что мама ждет меня в гостиной, я была в шоке.

Когда я училась в начальной школе, она делала так постоянно, каждую пятницу приходила домой пораньше и ждала, что я вернусь, ворвусь в комнату, и она выслушает, как прошел мой день. Мы смотрели фильмы и лежали, свернувшись на диване, набивая животы шоколадом и попкорном, и говорили обо всем на свете.

Это была традиция, время, когда мы могли укрепить нашу связь, только между нами, девочками. Мы никогда не приглашали на наши кино вечера папу и брата: это было наше и только наше мероприятие.

Но я стала старше и перешла в пятый класс, а мамина карьера пошла в гору, и кино вечера стали не единственным, что сошло на нет. А вместе с тем сдулись и наши отношения.

И все же вот она, завернувшись в одеяло, на своем привычном месте на диване, руки уже тянутся к шоколадным батончикам, готовясь закинуть их в рот. На журнальном столике стояла коробка со старыми фильмами, а рядом лежал пакетик с попкорном. Это было совершеннейшее дежавю – увидеть ее здесь, ожидающую моего прихода.

Но ощущение продлилось всего мгновение, а затем я вернулась в реальность и вспомнила, что я больше не та маленькая девочка, которая любила каждую пятницу смотреть с мамой фильмы, и что она уже не та женщина, что смотрела со мной кино.

Когда я осторожно вошла в комнату, она подняла голову и посмотрела на меня, ее лицо осветила широкая улыбка.

– Эй, – весело сказала она. – Хочешь посмотреть фильм?

– Что это значит? – спросила я, подходя к ней, как настороженное животное, приближающееся к протянутой руке. – Тебе разве не надо сидеть на работе?

Мама пожала плечами и подвинулась на диване, освобождая мне место.

– Мы закончили пораньше, и я решила, что возьму выходной, чтобы приехать домой и посмотреть с тобой кино, как в старые добрые времена.

Еще в ту пору я привыкла к тому, что родители большую часть времени проводят на работе. Карьера всегда была у них в приоритете, и они всегда допоздна работали по вечерам. Но только несколько лет спустя, когда мы с Брентом стали постарше и родители смогли больше фокусировать внимание на работе и меньше – на нас, я осознала, что мы совсем друг от друга отдалились. Иногда я чувствовала себя так, будто мы живем на разных планетах: мы больше никогда не проводили вместе время и даже несмотря на то, что жили в одном доме, нас друг с другом ничто не связывало. Они не находили времени, чтобы позвонить Бренту, учащемуся в университете, и я была абсолютно уверена, что они не смогли бы назвать ни одного из моих друзей или учителей. Сходным образом мы больше не спрашивали их о работе. Ни я, ни Брент не смогли бы сказать, над чем сейчас работают наши родители. Мы стали чужими людьми, живущими под одной крышей, и от этой мысли делалось больно.

Поэтому, когда я увидела, что мама дома и пытается провести со мной время, я опешила. Я слегка прищурилась и уставилась на нее, у меня пропал дар речи. Казалось, она заметила мою неуверенность, но не расстроилась, а похлопала рукой по дивану.

– Подойди, присядь.

Я подошла поближе и уселась, ужасно напряженная и чувствуя себя не в своей тарелке.

– У нас здесь полно всего, – пробормотала она, вытаскивая пару старых DVD и протягивая их мне. – Есть какие-нибудь идеи?

Я взглянула на один из дисков у меня в руках, испытывая при этом незнакомые эмоции – странную смесь ностальгии и смутного желания.

– На самом деле, мне кажется, сейчас твоя очередь выбирать, – сказала я не своим голосом. Мы всегда выбирали фильмы по очереди, чтобы все было по-честному, и я все еще помнила, как вытянула фильм – «Русалочку», а потом мы

навсегда забросили нашу традицию.

Мама открыла рот от удивления:

– Ты все еще помнишь? – по глазам было ясно, она удивлена.

Я просто кивнула.

– Хорошо, – мама отвернулась от меня и снова заглянула в коробку. Какое-то время она в ней рылась и бормотала что-то себе под нос, пытаясь принять решение.

Я поняла, как сильно она, должно быть, старается, как сильно хочет, чтобы это сработало. Для нее это было не просто выбором фильма, это было единственным способом снова воссоединиться со мной. И это наполнило мое сердце теплом. Я почувствовала, что меня все еще любят. Она старалась, и мне этого оказалось больше, чем достаточно.

Затем мама повернулась ко мне, и ее улыбка трансформировалась в озорную ухмылку, а глаза загорелись воодушевлением.

– Это все старые фильмы, – сказала она, и я поняла, к чему она клонит. – Как насчет того, чтобы вместо этого посмотреть что-нибудь другое?

– У тебя есть что-то на примете? – спросила я. Но я знала маму слишком хорошо и уже догадалась, что она ответит.

А затем я увидела, как ее глаза снова блеснули, сделав ее моложе, сделав ее в точности такой же, как та женщина, которая любила сидеть со мной на этом самом диване, выбирая фильм по вкусу. И неважно, что она осталась в костюме, и неважно, что ее волосы были завязаны в тугий узел на макушке, вместо каскада свободно ниспадающих прядей до плеч, как она носила раньше. Потому что она была здесь, и сейчас я понимала, что это та самая женщина из моих воспоминаний. Я просто редко ее видела.

– Я подумала, может, мы посмотрим ужастик? – предложила она, и я почувствовала, как по моему лицу расплывается ухмылка.

Это идеальный выбор. Потому что несмотря на то, что раньше она бы такой фильм не предложила, он показывал, насколько все изменилось. Я больше не была десятилетним ребенком, который смотрел только диснеевские мультики, я была взрослой. И все же во мне все еще жила эта маленькая девочка, точно так же, как та мама, которую я знала прежде, жила в ней.

– Лучшего выбора не найти, – ответила я, и ее улыбка тут же отзеркалила мою.

Хотя я и обещала себе этого не делать, я не смогла сдержать громкий смех, когда мама закрыла лицо диванной подушкой. Оно было бледным, но глаза блестели – мы смеялись до слез.

– О господи, я не могу, – пробормотала она.

– Все не так уж и плохо, – ответила я, но даже мне было тяжело смотреть на экран. – По крайней мере, ей выбили только один глаз.

От моего комментария она только скорчилась на стуле и еще раз весело хихикнула. Волосы стали выбиваться из узла у нее на голове, а костюм помялся. Я смеялась с ней вместе, откидывая назад голову и вытирая глаза.

А затем момент был испорчен.

Мы с мамой обе закричали, она подняла руки и схватилась за грудь. Она побледнела от ужаса, и я почувствовала, как мое сердце заколотилось от страха.

Мама обернулась к лестнице, широко раскрыла глаза от ужаса.

– Что это было?

Наверху что-то громко грохнуло.

Должна признать, пока мы с мамой укрепляли наши отношения и дурачились, ели шоколад и пугались, – так глупо – и совершенно ни о чем не заботясь, я забыла про Тео. Но как только она заговорила, на меня обрушилась реальность,

вернув с небес на землю: прямо над нашими головами прятался безбилетный заяц.

– Я не знаю, – ответила я.

Мама встала, и сердце подскочило у меня в груди. Я знала, что если она пойдет наверх, то, видимо, все будет кончено – она зайдет ко мне в комнату, увидит Тео и настанет конец всему. Я отреагировала молниеносно, встала вместе с ней, слегка потеряла равновесие и на цыпочках прокралась вперед.

– Я схожу, – сказала я, дотрагиваясь до ее руки, чтобы она остановилась. – Видимо, что-то упало у меня в спальне. Я проверю.

К моему облегчению, мама остановилась, но глядя на меня, нахмурилась:

– Я не против пойти проверить.

Все это было шито белыми нитками, но я слишком сильно нервничала и не контролировала себя. Я покачала головой, пытаюсь скрыть за вымученным смешком нервное напряжение.

– Все в порядке. Я сейчас вернусь.

Когда я открыла дверь своей комнаты, Тео стоял у книжного шкафа, одну руку он запустил в волосы, а другой прижимал к себе книгу. Когда я зашла, он ко мне обернулся, у него было виноватое выражение лица, как будто он уже знал, что я поднимусь наверх, и ему влетит.

– Что ты делаешь? – зашипела я на него, закрывая за собой дверь.

– Извини, я вытаскивал эту книгу, а вместе с ней выпали несколько других, – прошептал он, протягивая книгу, чтобы показать.

– Моя мама внизу, – сказала я. – И она могла подняться и...

– Роуз!

Я замолчала, слова застряли у меня в горле, когда я услышала, как мама стоит у подножия лестницы и зовет меня.

Тео широко раскрыл глаза от ужаса и шумно вздохнул. Мы замерли на месте, не осмеливаясь ни двигаться, ни говорить. Я прижала палец к губам и практически выбежала из комнаты, направляясь туда, где стояла мама – к подножию лестницы.

Я была уверена, что она увидела у меня в глазах панику, но она смотрела с недоумением.

– Все в порядке?

– Да, – сказала я, переводя дыхание, отчаянно пытаюсь придать голосу нейтральное выражение. – Просто кое-что упало с моего книжного шкафа. Хочешь возьмем другой фильм?

Она прищурившись взглянула на меня, но не стала комментировать.

– Ок, – ответила она. В ее голосе звучали нотки подозрительности, но она развернулась и снова направилась в гостиную.

Прежде чем закрыть к себе дверь, я в последний раз посмотрела на Тео, у меня учащенно билось сердце. Невероятно серьезный, он посмотрел мне в глаза, одним взглядом сказав то, о чем мы оба подумали. Чуть не попались. Теперь я понимала, что, когда мои родители дома, держать присутствие Тео в секрете будет трудно вдвойне. Мы ходили по очень тонкому льду, и скоро кто-то из нас неизбежно провалится.

Глава 5

Тем же вечером, когда Тео решил сказать мне, что иногда он разговаривает во сне, я встревожилась. Я тут же мысленно представила, как поздней ночью родители услышат доносящееся из моей комнаты бормотание мальчика. И мне стало еще страшнее, пугала даже всякая ерунда. Я считала, мы в безопасности

только ночью, когда все спят, и нас никто не может раскрыть.

– Ты слишком много переживаешь, – пробормотал он, когда я стала докапываться до его спальных привычек, мой ум лихорадочно работал. Тео перевернул страницу книги, которую читал. Он пытался меня игнорировать, а я тем временем непрерывно расхаживала по комнате.

– Вообще я делаю это очень редко. Это случается, только когда мне приснится особенно плохой или хороший сон, вот и все.

Может быть, я и правда слишком сильно волновалась, но у меня имелась такая привычка. У нас всех есть дурные привычки, и моей определенно было слишком серьезно все обдумывать. Но легче сказать, чем сделать и выкинуть это все из головы.

И на следующий день рано утром меня разбудили именно разговоры Тео во сне. Сначала его бормотание показалось мне бредом. Он пробормотал несколько слов – довольно громко, и еще раз сильно всхрапнул, а затем снова затих. Каждый раз, как он замолкал, я закрывала глаза, но проходила минута, и он начинал сначала, лопоча все новую абракадабру, что не сильно способствовало успокоению моих нервов.

Но чем дольше он говорил, тем больше я разбирала его слова, до тех пор, пока он не сказал нечто – и это прозвучало настолько отчетливо в утренней тишине, что я почувствовала, как на мгновение мое сердце замерло.

– Роуз...

Услышав, как с его губ слетает мое имя, я резко подпрыгнула в кровати и метнула на него взгляд, чтобы проверить, спит ли он. Естественно, Тео лежал на прежнем месте, его глаза были закрыты, а рот открыт. Он еще несколько раз легонько всхрапнул, а затем опять пробормотал мое имя.

– Роуз...

И в том, как он это произнес, было столько деликатности и нежности – как будто ему снился хороший сон со мной; у меня в животе запорхали бабочки, и я против

воли улыбнулась.

Это помогло мне поставить на место еще несколько кусочков пазла, который представлял собой Тео Локхарт, пазла, который я собирала с тех самых пор, как он пришел сюда три дня назад. Картина становилась все яснее, и я осознала, что чем больше я о нем узнаю, тем больше мне хочется. Я хотела узнавать о нем тривиальные вещи. Мне нравилось, что я знаю: он не любит пить перед сном горячий шоколад, потому что для него это равносильно дозе кофеина и он всю ночь не может заснуть. Мне нравилось, что я знаю: в уме он постоянно сочиняет обо всем рифмы. Двигаясь по моей комнате, он часто напевал их про себя. И мне нравилось, что я знаю: иногда он говорит во сне.

Мне хотелось знать о Тео все. Он был пазлом, который я собиралась собрать.

Но его было непросто раскусить. Тео Локхарт, несмотря на его новый статус моего соседа по комнате, оставался для меня загадкой. Он всегда держался сам по себе. Я читала в его взгляде легкую панику, и когда он говорил, то выбирал слова с осторожностью, как будто боялся, что слишком многое выдаст. Он хотел оставаться загадкой, потому что всегда ею был. Его никто по-настоящему не знал, а те, кто думал, что знают его, знали всего лишь мелочи.

Подумать только, я даже не знаю, почему он у меня в комнате, я не знаю, почему он убежал и почему попросил у меня помощи. Мне стало страшно, когда я это осознала. Я рискнула ради него всем, нарушила столько правил, которым всегда следовала, и нарушила все свои границы комфорта. И я даже не знаю, ради чего.

Ну, это было не совсем так, я знала, что делаю это ради Тео. Это все было ради Тео.

Я наблюдала за тем, как он ворочается в спальном мешке. Он еще несколько раз пробормотал мое имя, а затем глубоко уснул, комната наполнилась его шумным храпом. И тогда я поняла, что мне не заснуть и что бабочки у меня в животе никуда не исчезнут.

– Он снова на тебя смотрит, – пробормотала на ухо Грейс, вручая мне пачку флаеров, ее взгляд был прикован к кому-то у меня за спиной.

Я склонила голову влево и, скосив глаза, увидела Тристана. Казалось, он застыл в сторонке, в то время как его друзья болтали друг с другом и ждали, что их опять отправят на поиски.

– И что? Это имеет значение? – спросила я, изо всех сил стараясь говорить тихо.

Грейс округлила глаза и строго на меня посмотрела.

– Он хочет пригласить тебя на свидание.

– Что-о? – задохнулась я. Мои щеки стали ярко-красными. – Нет, не хочет.

Но я знала, что это правда. Это продолжалось всю неделю – когда он был недалеко, то наблюдал за мной и подходил, чтобы начать разговор. Грейс постоянно меня подразнивала, все время подшучивала надо мной, когда Тристана не было рядом, и складывала губы в притворном поцелуе у него за спиной, когда он подходил.

– Он тебе нравится? Если все-таки пригласит на свидание, ты скажешь «да»? – с нажимом спросила она, не отводя от меня взгляд.

Я открыла рот и автоматически закрыла его снова, у меня пропал дар речи. Я опустила голову и посмотрела на мальчика, глядящего на меня с передовицы флаера.

– О господи, он и правда тебе нравится, – Грейс открыла рот от удивления. – Ты так сильно покраснела!

Я смотрела в пол, отчаянно пытаюсь спрятать свои покрасневшие щеки, перекинув волосы так, чтобы они закрыли лицо. Но было уже слишком поздно.

– Кто бы мог подумать, что ты можешь так покраснеть из-за мальчика, – Грейс покачала головой и игриво улыбнулась. – Он тебе и правда небезразличен.

Я начала было возражать, но Тристан позвал меня со своего места, и это заставило всех замолчать.

– Эй, Роуз!

Когда он направился к нам, Грейс жеманно мне подмигнула. Она забрала половину флаеров из моей пачки и крепко прижала их к себе.

Казалось, Тристан заметил Грейс только несколько секунд спустя после того, как подошел, и на его лице отразилось разочарование.

– О, привет, Грейс. У тебя все в порядке?

– Хорошо, как никогда, Тристан. Спасибо, – она улыбнулась. – На самом деле я думаю, мне пора идти и снова начинать поиски. Скоро увидимся, Роуз.

Перед тем как убежать, Грейс еще раз нарочито мне подмигнула, я не сдержалась и округлила глаза, отвечая на ее сдержанный смешок. А потом она убежала и присоединилась к остальным поисковикам. Тристан даже не посмотрел ей вслед.

– Ну... – Тристан неуклюже поднял руку, чтобы почесать шею. – У тебя все в порядке?

– Я в порядке, спасибо, Тристан, – сказала я и посмотрела на наручные часы. До того момента, как стемнеет, оставалось совсем немного, а я хотела раздать все свои флаеры и как можно скорее вернуться домой к Тео. – Тебе в чем-то нужна моя помощь?

Если Тристан и до этого вел себя неловко, то это было ничто по сравнению с тем, как он вел себя сейчас. Он все время шаркал ногами и смотрел на них, нервно облизывая губы.

– Вообще-то, я просто хотел убедиться, что у тебя все в порядке, – выдал он и, собравшись с духом, снова посмотрел на меня. – Я имею в виду все то, о чем мы говорили на днях.

Я нахмурилась.

– А о чем мы говорили? – начала было я, но затем мой взгляд упал на флаер, который я держала в руках, и хмурое лицо Тео ответило на этот вопрос. Взгляд Тристана последовал за моим, и я почувствовала, что он снова пялится на меня, чтобы прочитать выражение моего лица.

– Я не могу поверить, что уже пять дней с тех пор, как он... – Тристан запнулся. Его фраза повисла в воздухе, незаконченная.

Я никак не могла оторвать взгляд от флаера, мне стало тяжело дышать, а сердце билось все быстрее с каждой проходящей секундой. Меня захлестнуло чувство вины от осознания того, что этот мальчик ждет дома, в то время как все остальные его ищут, и я чуть не задрожала, когда Тристан подошел на шаг ближе.

– Подумывают о том, чтобы организовать пресс-конференцию с его родителями, – сказал Тристан. Его голос был не громче шепота. – Хотят, чтобы бедолагу разыскивало больше людей. Это все может оказаться гораздо серьезнее, чем все изначально думали.

И только в этот момент я осознала, как мало времени мне остается провести с Тео. Я волновалась только о том, как бы нас не поймали, и у меня не оставалось времени на то, чтобы поразмыслить о чем-то еще. Но чем дольше Тео находился у меня, тем сильнее я к нему привязывалась. Я даже не думала о том неизбежном моменте, когда ему придется снова отправиться домой. Сейчас я почти хотела, чтобы он не уходил никогда, в то время как поначалу я только об этом и мечтала.

– Ты в порядке?

Я резко вскинула голову и встретила глазами с обеспокоенным Тристаном, через силу улыбнулась.

– Я в порядке.

Он кивнул.

– Знаешь, это очень трогательно, то, что ты так о нем переживаешь, хотя вы и не были близки. Не то чтобы это имело какое-то значение, – он прочистил горло. – Но знаешь, таких людей поискать. Ты очень неэгоистичный человек, Роуз.

Я видела, что сейчас произойдет, и отчаянно пыталась от этого уклониться.

– Ой, не знаю...

– Так и есть. На самом деле, отчасти поэтому ты мне и нравишься.

В глазах Тристана появилась уверенность, и уголки его губ поползли вверх, он слегка улыбнулся.

– Еще и поэтому я хотел пригласить тебя на свидание в эту пятницу.

Он уставился на меня с надеждой, отчаянно пытаюсь распознать мою реакцию, чтобы получить ответ на свой вопрос. И тем не менее я обнаружила, что не могу на него взглянуть. Единственное, на чем я могла сфокусировать взгляд, так это на флаерах, которые я все еще сжимала в руках, теперь они были измяты.

– Мне очень жаль, Тристан, – начала я, наконец заставив себя взглянуть на него. – Но я должна сказать «нет».

– Ох, – Тристан постарался скрыть удивление и разочарование, но ему это не удалось. – У тебя есть для этого какая-то конкретная причина?

– Это никак не связано с тобой, – уверила его я, пытаюсь выказать максимум искренности и чувствуя себя при этом не в своей тарелке. – Я просто не думаю о тебе в таком смысле.

Тристан посмотрел на меня, выражение его лица было нечитабельным. А затем его глаза блеснули, он понял.

– Тебе нравится кто-то другой.

Я открыла рот от изумления. Тристан улыбнулся мне со знанием дела, как будто знал меня лучше всех. Прежде чем я успела возразить, он выставил вперед руку:

– Ты ничего не должна мне объяснять, Роуз. Подробности ни к чему. Но совершенно ясно, тебе нравится кто-то другой.

Я все еще не находила слов, мои эмоции оказались мне непонятны несмотря на то, что они были ясны взглянувшему на меня Тристану. На его лице не осталось больше и намека на разочарование, а только самодовольная улыбка, будто он знал, что поймал меня.

Мой ум лихорадочно работал. Но было совершенно ясно, что Тристан не хочет стоять рядом и ждать, пока я разберусь в своих чувствах, поэтому секундой позже он развернулся и направился обратно к подзывавшим его друзьям.

– И, Роуз, – Тристан остановился и оглянулся на меня. – Ты никогда не знаешь заранее, если признаешься в этой любви самой себе и расскажешь ему о своих чувствах, может быть, выяснится, что и ты ему тоже нравишься.

Тео встал с пола и подошел к моему книжному шкафу, чтобы поставить на место последнюю прочитанную книгу.

– Знаешь, – он обернулся и посмотрел на меня – я лежала, распластавшись на кровати. – Мне кажется, я тебе этого никогда не говорил, но мне по вкусу твоя спальня.

– Это что, шутка такая? – спросила я, переворачивая страницу учебника по биологии и просматривая убогий текст.

– Нет, – поспешно пояснил Тео. Когда я начала отвечать на один из заданных на дом вопросов, он по-прежнему смотрел на меня. – Я хочу сказать, твоя спальня сильно отличается от того, что я себе представлял, но в лучшую сторону.

Моя комната была очень скромной и, за неимением другого слова, пустой. Голые стены однородного кремового оттенка, двуспальная кровать с белым одеялом, маленький голубой коврик, лежащий в центре комнаты на деревянном полу. Вся остальная мебель – платяной и книжный шкафы, а также письменный стол тоже были кремовыми. Комната не маленькая, но в ней умещалось так много крупногабаритной мебели, что она казалась полностью заставленной. Сильнее

всего бросался в глаза книжный шкаф. Это настоящая машина – больше, чем моя гардеробная, и доверху набит книгами всех размеров и форм. Даже журналы о пони, которые я обожала в десятилетнем возрасте, все еще стояли на полках.

– В самом деле? – я отложила шариковую ручку и села, чтобы взглянуть на него. – А чего ты ожидал?

Он виновато улыбнулся.

– Честно? Что все будет розовым. И я думал, ты куда более организованная, – он указал на мой письменный стол, неряшливо заваленный обрывками бумаги, разномастными карандашными стаканчиками и всякой всячиной. – Но меня приободряет, что ты такая же безалаберная, как и я.

Он подошел к книжной полке, взял с нее первый попавшийся роман и пролистал его; я оставила на страницах сотни пометок.

– И я никогда не думал, что ты пишешь в книгах. Сказать по правде, я считал, так никто больше не делает, один только я.

Я пожала плечами.

– Честно говоря, я ни за что не позволила бы себе такого с любимыми книгами, так что далеко не все они исписаны. Так делала моя мама, думаю, я унаследовала эту привычку от нее. Но я пишу только карандашом. Никаких шариковых ручек или маркеров.

Тео кивнул и продолжил расхаживать по комнате, подойдя к письменному столу, он остановился и оглядел всякую всячину, которой была замусорена его поверхность. Он подобрал пару ручек и поставил их обратно в стаканчик для карандашей, рассмотрел обложки учебников.

– Моя комната меньше, – рассеянно сказал он, подобрав еще одну ручку и читая помещенный на нее логотип. – Родители никогда не позволяли мне оформить собственную комнату по своему вкусу, и раз я мальчик, они решили сделать все серым. Серым! У меня не хватило духа признаться им, что я ненавижу этот цвет, – он отрывисто рассмеялся.

– Вообще-то, когда мы въехали в дом, эта комната именно так и выглядела, – сказала я и перевела взгляд на кремовые стены. – Я просто хотела привнести в нее что-то личное, но вместо этого она стала просто неряшливой.

– Нет, – поправил меня Тео. – По ней видно, что тут кто-то живет. Мой отец одержим чистотой, поэтому если бы он увидел, что я где-то развел беспорядок, у него случился бы припадок. Но я думаю, беспорядок свидетельствует, что комната по-настоящему твоя. Ты имеешь право делать в ней что хочешь, – он повернулся ко мне и вымученно улыбнулся. – Извини, это довольно нехорошо с моей стороны – ты пытаешься делать домашнее задание, а я обсуждаю спальни.

На самом деле мне было очень интересно послушать про комнату Тео, в кои-то веки мне представился шанс узнать что-то о его семейной жизни. Но я постаралась вести себя как ни в чем не бывало, просто пожала плечами, взяла ручку и начала снова писать в тетради.

– Значит, твои родители довольно сильно тебя контролируют? – спросила я секундой позже, эта мысль не шла у меня из головы.

– Я думаю, они ничем не отличаются от других родителей, те тоже все любят контролировать. Но будучи ребенком, я никогда не слушался, поэтому мы часто ссорились. Отчасти поэтому я... – Он замолчал и покачал головой. – Неважно.

Неожиданно мне отчаянно захотелось попросить его продолжать. У меня появилось ощущение, что это могло бы пролить свет на то, почему он убежал. И меня одолело любопытство.

– Тео...

Но меня прервала пришедшая на телефон эсэмэска.

Тео оглядел мой стол и потянулся за лежащим в уголке мобильником. Он развернулся и протянул его мне.

– Тебя, Мисс Популярность.

– Это всего лишь Грейс, – без выражения сказала я, мой голос звучал уныло. – Можешь проверить, если хочешь.

Он нажал кнопку, и включившийся экран осветил его лицо. Я села, наблюдая за тем, как он читает эсэмэс, по глазам парня было совершенно невозможно что-то прочесть.

А затем он одеревенел. Тео молча стоял, я открыла было рот, чтобы спросить, в чем дело, когда он вскинул голову и посмотрел на меня.

– Грейс хочет знать, пригласил ли Тристан тебя на свидание? – сказал он не своим голосом и отвел от меня взгляд. Он бросил мне телефон. – Наверное, тебе следует ей сообщить.

Я с легкостью поймала телефон и сжала его в руках. «А на какой ответ ты рассчитываешь?» – спросила я про себя, но так и не осмелилась выдать это вслух.

Пока я отправляла Грейс ответную эсэмэску, воздух был наэлектризован от напряжения, Тео отводил от меня взгляд. Он развернулся на месте и с фальшивым интересом посмотрел на книжный шкаф, лишь бы не смотреть на меня. Я сжала свой рассказ о том, что произошло, до сообщения одной строкой и, обкусывая губу, отложила телефон в сторону. Я не представляла себе, что делать.

– Так пригласил? – небрежно спросил Тео.

Я взглянула на Тео и поймала себя на том, что хмурюсь. По-прежнему стоя ко мне спиной, он взял еще одну книгу и начал читать ее аннотацию.

– Что?

– Я имею в виду, он тебя пригласил? – Тео наклонил голову, чтобы взглянуть на меня. – Тристан? Он наконец-то позвал тебя на свидание?

Я почувствовала, что мне не хватает воздуха.

– Да, пригласил.

Тео резко повернул голову и посмотрел на книгу, которую держал в руках.

– Но я ему отказала.

Тео пошел с книгой обратно к своему спальному мешку. Он сел и скрестил ноги.

– Ты сказала «нет»? Почему?

Я скользнула на край постели, чтобы взглянуть ему в лицо, и свесила ноги.

– Он не интересуется меня в этом смысле, – я пожала плечами. – А кроме того, у меня нет времени на свидания. Особенно теперь.

Как только последние слова слетели с моих губ, я вздрогнула, ожидая, что ответит Тео. Я не хотела, чтобы он подумал, будто стал для меня обузой или что повлиял на мою жизнь гораздо сильнее, чем хотелось бы, но, конечно же, он тут же именно так и подумал.

Он сел прямо, на его лице читалась озабоченность.

– Роуз, это же не из-за меня ты сказала Тристану «нет», так ведь?

– Конечно, нет, – тут же соврала я.

Но в глубине души я знала, что он имел в виду другое.

– Хорошо, – секундой позже Тео прервал молчание. – Потому что мне ненавистна мысль встать на пути твоего счастья.

Я не смогла сдержать тихий смех.

– Поверь, тебе не стоит об этом переживать, – сказала я. – К тому же я отказала Тристану, он мне не нравится.

– Не нравится?

– Нет, не нравится, – я покачала головой, сгребла тетради и ручки с кровати и переложила их на стол. – Поэтому нет нужды волноваться, Теодор.

Я рассматривала беспорядок на столе и размышляла, не прибраться ли. Но боковым зрением я видела, как Тео смотрит на меня и на губах у него играет легкая улыбка.

– Что? – неуверенно спросила я.

Тео покачал головой.

– Ничего.

– Нет, – немедленно откликнулась я, стараясь на него надавить, чтобы он высказал, что у него на уме. – В чем дело?

– Просто... Ты единственная, кто называет меня полным именем, – признался он.

– Ой. Извини, – я даже не обращала на это внимание. – Я больше не...

– Я же не говорю, что мне не нравится, – Тео слегка покраснел. Он отвернулся от меня, снова отгораживаясь.

– Ок, – я решила никак не комментировать его совершенно явное смущение. – Тогда я и дальше буду так тебя называть.

Тео кивнул, и на этом разговор был окончен. Я вытащила из шкафа толстовку, которая мне велика, надела ее и подошла к окну, чтобы выглянуть на улицу. Солнце только начало садиться, и небо оказалось забрызгано розовым, желтым и оранжевым, цвета смешивались с белыми облаками и рисовали прекрасную картину акварельного заката.

– Родители скоро придут домой, – сказала я, посмотрев на наручные часы. – Лучше мне спуститься и приготовить нам ужин.

Я знала, Тео огорчается из-за того, что не может покидать мою комнату, но то утро, когда я разрешила ему спуститься, было исключением, и я не хотела, чтобы он к этому привыкал. Я боялась, что, если начну слишком часто разрешать ему спускаться вниз, он станет чересчур самоуверенным, а если он будет постоянно спускаться вниз, думая, что моих родителей нет дома, велики шансы, что нас поймают.

Я решила приготовить побольше еды, с тем чтобы следующим утром можно было съесть остатки. Я знала, Тео любит лазанью, поэтому именно ее я и намеревалась приготовить. Получалось, что его любовь поесть и моя любовь стряпать идеально друг друга дополняют, особенно когда мне не надо стряпать обед на себя одну.

Все то время, что я была внизу, я поглядывала на часы, но родители так и не появились, наверное, они до сих пор торчали на работе.

Когда я вернулась, Тео все еще сидел на том же месте и терпеливо ждал моего прихода. Я тут же вручила ему тарелку с лазаньей и отмахнулась от благодарностей.

Большую часть ужина мы провели в молчании, до тех пор, пока Тео не положил вилку и нож на тарелку и не прочистил горло.

– Действительно вкусно, – сказал он, указывая на почти пустую тарелку.

– Спасибо.

Последовала пауза, я ела, а Тео смотрел на меня, будто обдумывая, стоит ли добавить что-то еще. В конце концов он прочистил горло и назвал меня по имени, чтобы привлечь мое внимание.

– Роуз.

– Да? – сосредоточенно спросила я, накручивая на вилку пасту с фаршем.

– Ты думаешь, я поступаю глупо? – он помедлил, а потом пояснил: – Я имею в виду то, что я прячусь.

Я постаралась скрыть свое удивление. С тех самых пор, как он появился у меня на пороге, Тео как мог избегал разговоров о своем исчезновении, и то, что он заговорил об этом, заставило меня отвлечься от еды.

– Тео, – мягко начала я. – Я понятия не имею, почему ты это сделал, поэтому не могу делать вид, будто понимаю всю суть. И, может быть, я знаю тебя недостаточно хорошо, но ты не из тех, кто чуть что, сразу убегает. Поэтому нет, я не считаю, будто ты поступаешь глупо. Ты просто потерялся.

Последовала долгая пауза, Тео смотрел в свою тарелку.

– Знаешь, я никому не рассказывал столько, сколько тебе, – тихо произнес он в следующую секунду. – Я имею в виду, о себе. Я просто...

– Не нужно объяснять, Теодор. Я понимаю, – прервала его я, улыбнувшись и понадеявшись, что улыбка вышла понимающей и легкой.

Он взглянул на меня, на его лице ничего не отразилось. Он посмотрел мне прямо в глаза и рассеянно откинул волосы.

– Ты считаешь, я потерянный?

Я на секунду задумалась, не зная, что сказать. Но затем я обрела дар речи.

– Когда мне было десять лет, я убежала из дома, – начала я, передвинувшись, чтобы сесть рядом с ним на его спальный мешок. – Мы с Brentom ужасно поссорились, и мои родители – они в тот момент были дома – оба встали на его сторону. Я так из-за этого расстроилась, у меня случилась истерика, я обвинила их в том, что им нет дела до других, собрала рюкзак и тут же ушла из дома.

Но о чем я не подумала, так это о последствиях своих действий. Мне было некуда пойти, и обо мне некому было позаботиться. Кончилось все тем, что я несколько часов бродила по улицам – до тех пор, пока меня не нашли родители. Я сидела на обочине и рыдала в три ручья.

И после того как они забрали меня обратно домой, я спросила маму, почему она вообще вернулась, и она сказала мне: «Роуз, когда бы ты ни потерялась, когда

бы ни случилось так, что ты не можешь найти дорогу и тебе нужна моя помощь, я всегда рядом. Потому что пока есть люди, которые о тебе беспокоятся, тебя всегда найдут, где бы ты ни потерялась».

Я хочу сказать, Тео, что неважно, как ты сейчас себя чувствуешь. Ты всегда сможешь вернуться домой, потому что есть люди, которые о тебе беспокоятся.

С минуту Тео молчал, переваривая мои слова, и пока мы сидели рядом, он мягко привалился ко мне, касаясь меня плечом. Это было приятное молчание, и я поймала себя на том, что впервые по-настоящему расслабилась с тех самых пор, как согласилась ему помочь.

На самом деле, в последнее время я ощущала что-то отдаленно похожее на спокойствие, только когда Тео был рядом. Он походил на таблетку успокоительного, помогал мне расслабиться, а тем временем все больше вклинивался в мою жизнь – каждый раз, как мы вместе проводили время. Несмотря на постоянный страх, что его обнаружат, мы хорошо проводили время. На самом деле было удивительно, насколько хорошо мы ладили. Он оказался забавным, гораздо забавнее, чем я думала. Я поймала себя на том, что радуюсь, когда он увिलивает от обсуждения всей серьезности ситуации, потому что чувствовала: я узнаю его лучше всего, когда мы говорим обо всем и ни о чем. Те моменты, когда мы обсуждали наши предпочтения в еде или когда он пытался пересказать мне сюжет одной из своих любимых книг, или когда признался, как ужасно плохо знает химию – приятно отвлекали от мира снаружи. И именно в такие моменты я и стала понимать, что страстно хочу, чтобы он остался. Тео стал моим наркотиком, моим удовольствием с оттенком вины.

Он повернул голову, взгляд его невероятных глаз упал на меня, и мне стало нечем дышать.

– Значит, тебе есть до меня дело? – спросил он, его ровный голос был музыкой для ушей.

Я с трудом соображала, когда он смотрел на меня вот так, его напряженный взгляд пронизывал меня насквозь, и все же я смогла кивнуть.

– Да, – прошептала я. – Есть.

Глава 6

Если и был в моей жизни человек, которому я не могла врать, так это Брент. Он подмечал все признаки вранья – от дергающегося левого глаза до горящих кончиков ушей. Каждый раз, когда я делала что-то неположенное, он тут же это обнаруживал, отчасти поэтому я и стала так строго придерживаться правил.

Но Брента не было рядом, хотя мы регулярно разговаривали по скайпу. Ради такого случая я решила ему позвонить. Возможно, по телефону мне удастся соврать: он меня не увидит и не сможет понять, что я говорю неправду.

По крайней мере, я на это надеялась.

– Ты от меня что-то скрываешь, – голос Брента трещал, искажаемый помехами, но даже, несмотря на это, в нем слышались обвинительные нотки.

«Откуда ты знаешь?» — чуть было не спросила я, но в ответ только залепетала и попыталась все отрицать. Но не сработало.

– Розалин Гертруда Валентайн, – сказал Брент, растягивая слова, и я поняла, что он усмехается. – Ты что, нарушаешь правила?

Я вздрогнула оттого, что он назвал меня полным именем, и покачала головой, и только потом осознала, что он меня не видит.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

Он хмыкнул; я ждала, что он начнет давить и продолжит свои расспросы.

– Хорошо, – просто сказал он, закрывая тему.

Вот почему я любила брата больше всего на свете – он все понимал. Он не хотел, чтобы меня что-то ограничивало, и ему не было дела до того, каким способом я этого добьюсь. Он просто хотел, чтобы я жила своей жизнью.

– А как вообще студенческая пора? – спросила я, испытывая страстное желание сменить тему.

– Ужасно, – Brent драматично вздохнул. – У меня в буквальном смысле все закончилось: мне нечего читать, нечего надеть и нет чистого нижнего белья.

– Гадость какая, ладно, ладно, хватит, не хочу знать, – перебила я, сильно передернувшись от отвращения. – Хотела бы я сказать, что мне жаль, но ты сам виноват – взял недостаточно вещей, и винить в этом можешь только себя.

Я подошла к духовке и открыла ее, прижав телефон плечом к уху, и вытащила новую порцию печенья. По воздуху поплыл аромат выпечки, я удовлетворенно улыбнулась и отложила печенье в сторону, готовясь услышать очередной взрыв негодования.

– Эй, – с сожалением выдал он. – Не моя вина, что ты ничего не дала мне почитать и ничего не разрешила взять с собой.

– Несколько книг я тебе дала! – запротестовала я.

Brent усмехнулся.

– Ага, три. Между прочим, я проглотил их в первую же неделю.

Я начала перекладывать печенье на специальную стойку, чтобы оно остыло. Услышав эти слова, я округлила глаза.

– Тогда покупай книги сам.

– А какой в этом смысл, Роуз? У тебя же не комната, а самая настоящая чертова библиотека.

– Следи за языком, – обругала его я, не удосужившись ответить на этот выпад. Даже Тео заметил, как много у меня в комнате книг, но он глотал их каждый день, и я начала уже задумываться, не купить ли мне новых, чтобы он сидел тихо и ничего не натворил.

На другом конце провода Brent снова рассмеялся, и я поймала себя на том, что тепло улыбаюсь. Что-то в его смехе имело надо мной власть, заставляло мысленно возвращаться в те времена, когда мы были детьми, когда мы только и делали, что шутили и играли в игры. С ним были связаны мои самые счастливые воспоминания, и стоило мне услышать его смех, как я переносилась в детство.

– Я по тебе скучаю, – призналась я, внезапно почувствовав боль утраты.

На другом конце провода повисло молчание, как будто Brent не хотел задавать следующий вопрос.

– Значит, мама с папой по-прежнему редко бывают дома? – спросил он наконец, хотя его тон и заставлял думать, будто на самом деле в ответе нет нужды.

Вопрос не требовал ответа. И мне, и Brentу было больно оттого, что у родителей на первом месте стоит работа, а не мы, но мы оба к этому привыкли. Тем не менее я бы соврала, если бы сказала, что меня это больше не злит. Сначала, когда их не оказывалось рядом, было трудно, но вскоре Brent взял родительскую роль на себя. Он готовил мне обеды, говорил со мной о школе и укладывал спать. Это нас сблизило, но мне стало тяжело, когда он уехал учиться, оно и неудивительно.

Brent попытался сменить тему и сказал:

– Что ж, скоро я приеду домой.

– Когда? – с надеждой спросила я, чувствуя, как настроение поднимается.

Brent рассмеялся.

– Не могу загадывать, иначе я тебя разочарую. Но в следующие два месяца нагрузки чуть уменьшатся, и я смогу приехать домой и всех вас повидать. Я в этом уверен.

Вскоре мы закончили разговор, пообещав друг другу созваниваться чаще и спланировать его визит домой. Печенье все еще лежало на стойке, теперь оно довольно основательно остыло, поэтому я не обожгла язык, когда схватила

парочку печений. Я быстро положила их на тарелку и направилась вверх, в свою комнату, где меня ждал Тео.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kotton_reychel/tol-ko-zdes

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)